

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2015

ЛУНА И СОЛНЦЕ ЛЮДОВИКА XIV

КОНДРАТИЙ БИРКИН
ЖАК САДУЛЬ

Жак Садуль Кондратий Биркин Луна и солнце Людовика XIV

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9987637

Жак Садуль, Кондратий Биркин. Луна и солнце Людовика XIV.:

Алгоритм; Москва; 2015

ISBN 978-5-906789-30-3

Аннотация

Фильм Шона МакНамары «Луна и Солнце» рассказывает о «короле-солнце» Людовике XIV, который решил, что должен жить вечно. В ту пору при дворе можно было встретить колдунов и алхимиков. Фантастический сюжет киноленты рассказывает о поисках главного сокровища алхимиков, философского камня. Как же все было на самом деле? Могла ли подобная история произойти при дворе короля Франции?

Предлагаемая книга погрузит Вас в уникальную атмосферу дворцовых тайн и интриг при дворе Людовика XIV, расскажет о том, как формировалась личность человека, которого сначала прозвали «король-ребенок», а затем «король-солнце». Вторая часть книги рассказывает историю алхимии во Франции. Удивительные загадки, тайны и, конечно же, поиски философского камня ждут Вас в этой невероятной книге!

Содержание

Луна	5
Книга первая. Герметическое искусство	8
Первое знакомство с алхимией	8
Гермес и история Алхимии	24
Принципы Алхимии	32
Реализация деяния	43
Принципы Филалета	44
Конец трактата	54
Алхимия и современная наука	57
Книга вторая. Алхимики	68
Три выпускника университета Монпелье в XIII веке	68
Альберт Великий	69
Арнальдо де Виланова	79
Раймунд Луллий	84
Никола Фламель, писарь	91
Монах из Эрфурта и Добряк из Тревизо	110
Бернардо из Тревизо	115
Врач и дворянин	128
Дени Зашер	132
Конец ознакомительного фрагмента.	139

**Жак Садуль,
Кондратий Биркин
Луна и солнце
Людовика XIV**

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Луна

Жак Садуль

Сокровище алхимиков

«Даже фармацевту нелегко живется в новом свете», – размышлял мистер Старки, который в начале XVII века эмигрировал из Англии в Америку.

Он снял табличку с надписью «Сдается комната» висевшую у входа в аптеку. Его новый жилец, некий Джон Смит – имя, несомненно вымышленное – был человеком неопределенного возраста > среднего роста, с самым обыкновенным лицом, однако по всему чувствовалось, что он получил хорошее образование. С ним явно не будет таких хлопот, как с прежним пьянчужкой, который в прошлую зиму стал прибивать к дочери соседа.

Мистер Смит действительно оказался образцовым постояльцем, и Старки почти забыл о его существовании, но как-то вечером жилец попросил разрешения воспользоваться небольшой лабораторией при аптеке. По его словам, он хочет опробовать новый краситель. Мистер Старки охотно согласился, но на всякий случай велел своему сыну Джорджу последить за жильцом через прорезь в ставнях.

Итак, юноша занял свою наблюдательную позицию. Вскоре мистер Смит вошел в лабораторию с не слишком боль-

шим, но, очевидно, очень тяжелым мешком. Вытащив оттуда куски серого и тусклого металла, скорее всего, свинца, он уложил их в тигель, под которым развел сильный огонь. Когда металл расплавился, Смит достал из кармана маленькую коробочку, заполненную каким-то красноватым порошком. Джордж увидел, как он смешал крупицу этого порошка с небольшим количеством воска и бросил получившийся шарик в кипящий металл, а затем спокойно сел в сторонке. Джорджу пришлось ждать не меньше четверти часа, пока мистер Смит не начал сливать дымящийся металл в изложницу. Юноша вытаращил глаза от изумления: металл был желтого цвета с зеленоватым отливом – иными словами, он был невероятно похож на расплавленное золото.

Затем алхимик – именно так следует его называть отныне – повернулся к ставням, за которыми прятался Джордж Старки, и сказал: – Входите же, молодой человек, если мои опыты вас заинтересовали.

Этот странный человек несколько не обиделся на слежку и даже подарил хозяевам часть золота, полученного путем трансмутации (преобразования). Однако он наотрез отказался приобщить их к тайне своего искусства, а Джорджу, который проявил гораздо большую настойчивость, чем отец, сказал прямо:

– Друг мой, если Господь избрал вас, вы в должный срок овладеете его наукой, но если он в мудрости своей считает вас к тому не годным или же недостойным, то со стороны че-

ловека было бы сущим безумием вооружать такими познаниями невежду, способного нанести великий ущерб себе подобным.

В этом месте своего рассказа Старки поясняет: «Признаюсь, слова о божественном уроке сильно мне не понравились». Алхимик же, видя его досаду, добавил:

– Знайте, все мы связаны строжайшим обетом не выдавать тайну нашего искусства тем, кто мог бы с его помощью вовлечь мир в великую смуту. Адепту же, ставшему пусть невольным виновником последующих неизбежных бедствий, придется держать ответ перед Богом.

– Понимаю, сударь, – сказал Старки-отец. – Но можем ли мы по крайней мере узнать ваше имя?

– Меня зовут Эйрелей Филалет¹, я – англичанин по рождению, гражданин Вселенной².

¹ Сведения об алхимиках, героях этой книги, а также объяснения многих понятий содержатся в конце книги, см. Приложение и Указатель. Дополнения, уточнения, а также сведения об исторических лицах, не вошедших в Указатель, приводятся в постраничных примечаниях. – *Прим. ред.*

² Источником этого рассказа служит сочинение Эйрелея Филопона Филалета «Сущность алхимии» («*The Marrow of Alchemy*»), которое было издано в Англии в 1655 году и хранится ныне в Британском музее. Джордж Старки написал к нему предисловие под псевдонимом Эгрегий Кристо (*Egregius Christo*). – *Прим. авт.*

Книга первая.

Герметическое искусство

Первое знакомство с алхимией

Это случилось суровой зимой 1956 года. Попав однажды в сильный снегопад, я укрылся от него в книжной лавчонке на улице Сен-Жак. Это был один из тех магазинчиков, где торгуют всякого рода оккультными сочинениями, посвященными магии, астрологии, гаданиям и алхимии.

Короче говоря, тут, на полке, где стояла литература по алхимии, я и увидел книгу, которая привлекла мое внимание. Привлекла, прежде всего, средневековым рисунком на обложке, а затем странным названием – «Двенадцать ключей философии» («Les Douze Clefs de la Philosophie»). И я решил купить этот томик – хотя бы ради того, чтобы не ронять себя в глазах хозяина лавки, который и так уже косо поглядывал на меня.

Должен признаться, первое знакомство с алхимией доставило мне сплошное разочарование. Предисловие г-на Эжена Канселье свидетельствовало об эрудиции, далеко превосходящей возможности таких неопитов, как я; сам же текст книги явно не соответствовал тому, что говорил во вступительном слове автор, монах Василий Валентин из ордена

святого Бенедикта: «В предисловии своем, о пылкий друг искусства, подарил я тебе надежду изучить и познать самого себя; другие, снедаемые тем же огнем, обретут возможность открыть для себя свойства природы; а те ищущие, кто успел проникнуть глубже, овладеют искусством, краеугольным камнем и скалой, что дарованы мне свыше. Я покажу тебе, каким образом древние наши учителя воссоздавали Камень свой, полученный от Всевышнего, дабы применять его с пользой для собственного здоровья и наилучшего устройства в земной жизни».

Это звучало весьма заманчиво; однако дальнейшие рассуждения были столь темны, что я не понял в них ровным счетом ничего! Рисунки же, изображающие двенадцать ключей, – в художественном отношении великолепные, – были еще более загадочны, чем написанный мэтром текст. На них можно было видеть человеческие фигуры в роскошных одеяниях, животных, скорее сказочных, чем реальных, иногда инструменты, явно имеющие отношение к алхимии, например тигель или реторту. Конечно, г-н Канселье давал этой абстрактной символике свои толкования, но мне показалось, что они предназначены читателям подготовленным. Так, комментарий к первой фигуре начинался следующими словами: «Царь и Царица Деяния, то есть *философские золото и серебро*, изображены в спагирическом³ смысле, в ви-

³ Слово «спагирический» объясняется в Указателе. Но, по-видимому, его нужно понимать как синоним понятия «алхимический». – *Прим. ред.*

де волка и большой *ручки возврата*⁴ на чаше. Эта чаша и тигель в пламени ясно указывают на *сухой путь*, в котором очень большую роль играет *тайный огонь*».

Признаюсь, подобные объяснения не только не рассеяли мое недоумение, но напротив, усугубили его. Тем не менее странный язык и стиль Василия Валентина мало-помалу оказывали на меня поистине магическое воздействие, Мной овладело неодолимое желание проникнуть глубже в этот таинственный мир, и я вновь отправился в лавчонку на улице Сен-Жак, чтобы попросить какой-нибудь труд, доступный для начинающих, или, упрощенное изложение предмета. Хозяин, не без некоторого сочувствия, ответил мне, что две последние книги такого го рода были изданы соответственно в 1860 и 1891 годах, но теперь, конечно, практически недоступны. Он добавил, что сейчас появляются только два вида сочинений по алхимии: либо переиздания старинных трактатов, либо современные исследования, в которых изучаются психологические, или, скорее, психоаналитические корни алхимии как «феномена»; причем нынешние авторы, сказал он, отличаются поразительным невежеством и глубочайшим самодовольством. Заметив мой удрученный вид, он все-таки подошел к полке, достал какую-то книгу и протянул ее мне со словами:

– Вот, возьмите. Автор ее, Клод д’Иже, принадлежит к собратьям, знатокам герметического искусства... то есть алхи-

⁴ Возможно, имеется в виду циркуль. – Прим. Ред.

мии, – добавил он, увидев мой недоуменный взгляд.

Сочинение называлось «Новая ассамблея философов химии» («*Nouvelle assemblée des Philosophes Chymiques*»), оно вышло в свет в 1954 году, то есть два года тому назад. Я робко спросил:

– А что означает это странное название?

– Алхимиков именуют Герметическими Философами или Философами Химии, с большой буквы; это – древняя традиция. Что же до слов «новая ассамблея», то это наверняка переключка со старинным трактатом «*Turba philosophorum*», то есть – «ассамблея философов», а не «шайка философов», как иногда переводят.

Совершенно сбивый с толку, я поспешил заплатить за книгу и сразу приступил к изучению ее. Это не было пособие для начинающих, но автор сумел сделать текст достаточно ясным для внимательного читателя. Книга эта стала сезамом, открывшим мне первую дверь к тайнам герметического искусства.

Мне понадобилось более года, чтобы раздобыть еще десятка два книг, самых необходимых для познания алхимии. По мере их изучения мое первое представление об этой науке менялось. Раньше я, подобно всем остальным, полагал, что исчерпывающее определение алхимии дано в работе Луи Фигье: «Цель алхимии, как всем известно, есть трансмутация металлов; превратить низкие металлы в благородные, создать золото и серебро искусственными средствами

– вот какую задачу ставила перед собой эта странная наука, история которой насчитывает не менее полутора тысячелетий» (*Louis Figuier, L'Alchimie et les Alchimistes 1856*).

Действительно, мне уже доводилось читать, что в своей практической деятельности, получившей название «магистерия», алхимики пытались создать некую необыкновенную субстанцию, философский камень, который якобы способен преобразовать любой металл, в расплавленном состоянии, в любой другой. Британский монах Роджер Бэкон⁵ в книге «Зеркало алхимии» («*Miroire d'Alquimie*») пишет об этом совершенно определенно: «Алхимия есть наука об изготовлении некоего вещества, или эликсира, который, воздействуя на несовершенные металлы, передает им в момент воздействия свое совершенство».

Первое сомнение в справедливости этой истины возникло у меня, когда я прочитал книгу Грийо де Живри «Собрание колдунов, чародеев и алхимиков» («*Le Musee des Sorciers, Mages et Alchimistes*»). «Многие из тех, кто никогда не изучал алхимию, – пишет он, – считают ее нагромождением пустых грез и измышлений, отражающих суетное желание получить искусственное золото, желание, порожденное либо банальной алчностью, либо безумным стремлением стать равным Создателю. В то же время люди, всерьез изучающие

⁵ Бэкон Роджер (ок.1214-ок1292) – английский философ, естествоиспытатель; преподавал в университете в Оксфорде. В Приложении дается другая дата смерти – 1294 г. Мы ориентируемся в данном случае на БСЭ. *Прим. ред*

алхимию, очень скоро обнаруживают за этой побочной целью особое и совершенно не поддающееся описанию очарование: в угрюмом лабиринте средневековой учености лишь она, алхимия, блистает столь же ярко, как гигантские, безмолвные и неподвижные розетки-витражи, которые, возвышаясь над пошлостью обыденности, заливают невыразимым светом величественное пространство спящих соборов».

И тогда я спросил себя: а не является ли сказка насчет превращения металла в золото чем-то вроде пыли, которую швыряют в глаза непосвященным, чтобы отбить у них интерес к постижению подлинных тайн алхимии.

* * *

В наше время золото все еще считается конечной целью герметического искусства, но по другой причине. Наряду с собственно алхимиками (обычно именуемыми: *адентами*, или *артистами*, поскольку они владеют секретами Искусства), существовали еще две категории людей, пытавшихся совершить трансмутацию металлов: прежде всего, это *суфлеры*. и, ближе к нашему времени, *архимики*. Но широкая публика всегда путала этих ловкачей, единственной целью которых было получение золота, с истинными герметическими философами.

Превосходное определение «суфлерам» дает Рене Маркар в своей книге «Краткая история химии и алхимии» («*Petite*

histoire de la Chimie et de l'Alchimie): «В сфере Большого Искусства «суфлеры» представляют собой маргинальную, низшую секту, где кишат шарлатаны, знахари, сумасшедшие, колдуны, предсказатели; бывшие воры, ловкие мошенники, проходимцы всех мастей, а особенно тупоумные фармацевты, которые воображают, будто им; удалось выведать у «мастеров» крупицу их тайны, похитить искру их гения. Магические обряды и изготовление ядов, что некогда пользовалось определенным спросом – вот нечистые источники, из которых складывался их жалкий доход. Полагая, будто чудесную квинтэссенцию можно изготовить из продуктов животного происхождения, они брали для своих опытов самые невероятные, порой омерзительные ингредиенты. Они не гнушались даже убивать младенцев, чтобы получать их кровь; этим печально прославился зловещий Жиль де Ре⁶. Из-за таких людей судьи без всякого снисхождения относились и к истинным рыцарям Великого Деяния.

Стремясь подражать природе и ее медленной эволюции, алхимики производили бесчисленное количество опытов, продолжительность которых колебалась от нескольких месяцев до многих лет, и часто бывало, что адепт, начав осуществление магистерии, умирал от истощения сил, и ученики его оспаривали честь завершить начатую работу. «Суф-

⁶ Жиль де Ре(1404–1440) – историческое лицо, офицер армии Жанны д'Арк; был казнен за занятия черной магией и убийства детей. Его личность легла в основу легенды о Синей Бороде. *Прим. ред.*

леров» же, людей бессовестных и алчных, такие сроки не устраивали: их обурежала примитивная жажда золота – *auri sacra fames*⁷. В невежестве своем они пытались ускорить медленное воздействие времени, увеличивая жар в печах, что нередко вело к взрывам, которые ставили точку и опыту, и самому существованию начинающего чародея».

В описании Маркара нет преувеличений. Ведь для создания философского камня необходимы три тайных элемента: *первичная материя*, уникальное вещество, с которым работает алхимик, подвергая его воздействию *тайного огня* (иногда называемого *первый агент*), а затем – воздействию *философской ртути*. «Суфлеры» понятия не имели, что означают эти символические названия, а потому помещали в свои реторты и тигли что попало. В результате они нечаянно сделали некоторые выдающиеся открытия; иные из этих открытий, увы, оказались для них фатальными: например, на одном из этапов магистерии в тигле соединяются уголь, сера и соль азотной кислоты, что создает опасную смесь, по составу близкую к ружейному пороху!

Рене Маркар имел все основания говорить, что жизненный путь многих «суфлеров» завершился грандиозным взрывом. Вот еще один пример подобного рода, взятый из «Мемуаров новой Аталанты» (*«Memoires de la nouvelle Atalante»*) Мэри Менли, появившихся в Великобритании примерно в конце XVII века.

⁷ Золота слава святая (лат.)

«Одна герцогиня, увлеченная алхимией, встретила человека, который утверждал, будто владеет тайной превращения свинца в золото, то есть, говоря на языке алхимии, — преобразования несовершенных металлов в совершенные. Этот герметический философ просил дать ему только материалы и время, необходимые для осуществления обещанного. Его привезли в имение покровительницы, построили обширную лабораторию, причем всем строго-настрого запретили входить туда, чтобы не мешать ему в работе. Дверь в лабораторию он устроил так, что она поворачивалась на оси, не давая возможности слугам, приносящим еду, заглядывать внутрь: никто не должен был отвлекать его от возвышенных размышлений. За два года, проведенные в замке, он не обменялся ни единым словом ни с кем, даже со своей тщеславной покровительницей. Когда ей впервые было позволено войти в лабораторию, она с приятным удивлением увидела громадные перегонные кубы, котлы, длинные трубы, горны, кузнечные мехи, а также языки адского пламени в трех или четырех печах, расставленных по углам этого своеобразного вулкана. С благоговением смотрела она на закопченное лицо алхимика, бледного, худого, изнуренного дневными опытами и ночными бдениями. Пользуясь каким-то непостижимым жаргоном, тот доложил ей, что дело продвигается успешно, и она настолько ему поверила, что лаборатория уже казалась ей чем-то вроде золото-го рудника. Часто алхимик требовал, чтобы ему доставили новый перегонный куб или огромное

количество угля. Когда в конце концов герцогиня обнаружила, что значительная часть ее состояния потрачена на удовлетворение этих просьб, ей пришлось обуздать свое воображение и прислушаться к голосу разума. За два года философу были доставлены горы свинца, а золота не было видно ни грамма. Она поделилась своими сомнениями с алхимиком; тот чистосердечно признался, что сам удивлен этой задержкой, но готов удвоить свои усилия и поставить один весьма рискованный опыт, который до сих пор казался ему опасным. С тем герцогиня удалилась, вновь предавшись золотым надеждам. Однажды, когда она только что отобедала, послышался страшный вопль, а вслед за тем взрыв, похожий на выстрел из большой пушки... Вместе со слугами она кинулась в лабораторию, где увидела две разбитые вдребезги большие реторты и, среди языков пламени, обгоревшее тело химика».

* * *

В наше время бытует мнение, что современная химия появилась на свет не из традиционного искусства алхимиков, а из беспорядочных опытов «суфлеров». Выше мы уже говорили, что многие химические реакции и новые элементы действительно были открыты подобными лжеалхимиками, которые систематически экспериментировали с любыми подвернувшимися материалами. Истинный адепт, напротив,

всегда знал совершенно точно какие природные элементы необходимы для создания Камня, а потому прибегать к чисто химическим изысканиям ему приходилось очень редко. Разумеется, некоторые алхимики – например, Василий Валентин или Парацельс⁸ – обогатили химическую номенклатуру новыми, очень важными понятиями, но это происходило в процессе второстепенных опытов, не имеющих прямого отношения к философской магистерии.

Обратимся теперь к *архимикам*, независимым исследователям конца прошлого – начала нынешнего века, которые утверждали, что превращение металлов в золото можно осуществить с помощью обычных химических реакций, иными словами не используя фантастическую ядерную энергию, высвобожденную современной физикой. Опытами такого рода прославились Тифро, затем Жоливе-Кастело; однако официальная наука так и не признала будто бы произведенную ими трансмутацию доказанным фактом. Надо отметить, что количество золота, полученного в этих экспериментах, было столь ничтожно, что его можно отнести на счет недостаточной очистки исходных материалов. Совсем уж комический случай произошел в 1931 году в Германии, когда профессор Ганс Мите заявил, что произвел трансмутацию ртути в золото. Тщательный анализ опыта показал, что «полученные» ча-

⁸ Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм) (1493–1541) – ученый и врач эпохи Возрождения; работал и преподавал в различных городах Европы, особенно долго в Базеле. – *Прим. ред.*

стицы золота попали в ртуть... с позолоченной оправы профессорских очков, подвергшихся воздействию паров ртути!

Более того, после первой мировой войны, в тот самый момент, когда Жоливе-Кастело возглавил основанное им Общество алхимиков Франции, современные адепты отказались считать его опыты алхимическими. Приведу в доказательство мнение только одного из них, Оригера, которое он высказал в 1926 году в специальном номере журнала «Ле Вуаль д'Исис» («Покров Исиды»). Вот выдержка из этой статьи, озаглавленной «Алхимия перед лицом Науки»: «Г-н Жоливе-Кастело, без сомнения, позволит мне сделать одно замечание в связи с определением «алхимические», которые он дает своим опытам. Оно было бы уместно в те времена, когда существовали одни лишь алхимики, но сегодня – об этом свидетельствуют используемые им материалы и методы – они относятся к сфере самой обыкновенной химии. Если бы они действительно были алхимическими, то ни один из профессоров Сорбонны, при всем моем уважении к их эрудиции, не в состоянии был бы контролировать эти опыты. Впрочем, г-н Жоливе-Кастело и сам признает контроль одних лишь химиков, следовательно, произведенные им трансмутации, если таковые имели место, достигнуты химическими средствами, но не более того». В этих словах Оригера, как мне кажется, прекрасно уловлена суть дела, и мы не будем более возвращаться к алхимикам, поскольку они не имеют реального отношения к герметическому искусству.

Решив посвятить свое исследование истинным артистам, в самом высоком смысле этого слова, я задался целью узнать, какое значение они сами придавали трансмутации металлов. Это оказалось настоящим «Геркулесовым трудом» (такое название адепты иногда давали магистерии), ибо целостного представления – даже если ограничиться наиболее знаменитыми трактатами – тут невозможно составить: настолько позиция одного автора отличается от позиции другого.

Различия эти касаются не только методов. Алхимики в своих сочинениях практически никогда не говорят об одной и той же части Деяния! В самом деле, не существует ни единого описания операций магистерии в хронологическом порядке и с самого начала, то есть с поисков *удаленной материи* камня, которая должна стать его *близкой материей*, чтобы на завершающей стадии превратиться в *ребис* (от латинского «res-bis» – двойная субстанция).

Термином «первичная материя» в разных трактатах могут обозначаться все эти три, совершенно отличных друг от друга состояния; что же касается слова «ртуть», трактовки этого понятия варьируются до бесконечности. Каждый философ как бы повествует о своем, не обращая никакого внимания на сказанное братьями, тогда как в действительности они говорят об одном и том же Деянии, но на его разных стадиях. Это – первый и очень серьезный подводный камень.

Второй таится в невероятной запутанности текстов и особенно терминологии: ведь одно и то же вещество получа-

ет порой более двенадцати наименований! Знаменитый натуралист Бюффон в своей «Естественной истории минералов» («*Histoire naturelle de mineraux*»); издание 1784 года, т.4, с. 270–272), в статье, посвященной золоту, с глубоким раздражением пишет: «Увеличить плотность материи настолько, чтобы она обрела удельный вес этого металла (золота), действительно стало бы величайшим нашим достижением; весьма вероятно, это не является невозможным; весьма вероятно, некоторым даже удалось этого достичь, ибо среди множества ложных или преувеличенных свидетельств, касающихся *Великого Деяния*, имеются и такие, в которых я сомневаться не могу⁹, однако это не мешает нам относиться с презрением или даже с осуждением к тем, кто занимается такими экспериментами из чистой корысти, не обладая зачатую необходимыми для такой работы знаниями. Ибо нельзя не признать, что из трудов алхимиков ничего нельзя извлечь: я счел своим долгом прочесть и изучить многие из них¹⁰, однако и в «Герметической скрижали», и в «Ассамблее философов», и у Филалета я обнаружил лишь туманные рассуждения и невнятные описания, которые ничем мне не помогли, так что единственный вывод, сделанный мной, состоит в

⁹ Обратите внимание, в частности, на сведения о трансмутации железа в золото, приводимые в книге: Moseley, *Recreations chimiques*. – *Прим. Бюффона*.

¹⁰ Скажу больше: я познакомился со многими господами *адептами*, причем некоторые приезжали ко мне из очень дальних краев, чтобы помочь мне советом, как они говорили, и рассказать о своих опытах; но все были разочарованы тем, как мало я проявил энтузиазма. – *Прим Бюффона*

следующем: все эти искатели философского камня рассматривали обыкновенную ртуть как общую основу металлов и особенно золота и серебра. К подобному взгляду весьма близок и Бехер с его *ртутной глиной*».

Возникает вопрос: чего ради герметические философы приложили столько усилий чтобы остаться непонятыми? Первый из возможных ответов дал писатель и ученый прошлого века Луи Фигье: «У алхимиков были очевидные резоны, чтобы пользоваться таким темным, невнятным языком. Они не могли сообщить ничего существенного о том, как делать золото: все их усилия в этом направлении ни к чему не привели». Такая точка зрения прекрасно отражает настроения в науке XIX века, полагавшей, что все, что можно открыть, уже открыто, а XX веку осталось лишь «вносить мелкие уточнения». Второй, более точный ответ содержится в книге арабского алхимика Гебера¹¹ «Сумма совершенств магистерии» («*Somme des perfections du magistere*»): «Заявляю, что здесь, в «Сумме», я ничуть не стараюсь четко и логично рассказать о развитии нашей науки. Если бы я описывал ее последовательно, дурные люди могли бы воспользоваться этим, употребив знание во зло».

Убежденные в реальности Деяния, адепты чувствовали свою ответственность за магическую силу, которой они владели, и потому стремились преградить. недостойным доступ

¹¹ Гебер – латинизированное имя арабского ученого Джабир Ибн Хайяна (ок. 721 – ок. 815).

к магистерии. Вот почему алхимические трактаты не являются ни учебниками для непосвященных, ни научными сообщениями, предназначенными для других философов. Они писались для третьей категории читателей – для тех, кто находился на пути к посвящению, как удачно назвал их Рене Алло в работе «Аспекты традиционной алхимии» («*Aspects de l'alchimie traditionnelle*»). Из этого определения следует, что существуют люди, способные постичь герметическое искусство самостоятельно, без помощи *гуру* (наставника), – сравните с индуистской практикой, где посвящение осуществляет Учитель и это является единственным и непреложным правилом.

Помимо объяснений, предложенных Фигье и Гебером, существует третий возможный ответ, Алхимия сейчас представляется нам не доступной пониманию по той простой причине, что многие понятия, введенные в обиход в период формирования этой науки, сейчас забыты. К примеру, недавно мы обсуждали с Жаком Бержье¹² пособие по телевизионной технике, в котором рассматриваются различные типы кинескопов.

И он сказал мне: «Если когда-нибудь в будущем этот учебник попадет в руки представителей цивилизации, технология в которой будет не похожа на нашу, то описанные в нем аппараты покажутся им абсурдными, поскольку автор нигде не указывает, что работают они от электрического тока. Это

¹² Современный популяризатор

обстоятельство представляется настолько очевидным, что не заслуживает упоминания».

Не исключено, что с алхимией дело обстоит точно так же: неясности и пропуски объясняются тем, что для посвященных и их преемников эти понятия в свое время были настолько привычны, что не нуждались в расшифровке. Лично я, правда, скорее склоняюсь к мнению Гебера, которого считаю искренним, хотя и недостаточным. У «дурных людей» было много других способов добыть – золото; необязательно получать его искусственным путем! Напрашивается следующий вывод: алхимики скрывали нечто более важное, чем тайна драгоценного металла. Что именно? Обратимся к истории герметической философии: быть может, в ней мы найдем ответ на этот вопрос.

Гермес и история Алхимии

Как она возникла?

Точную дату и место назвать трудно; Китай, Египет, Средний Восток и Греция в равной мере могут считаться родиной алхимии.

Так что я просто последую традиции, согласно которой герметическое искусство восходит к самому Гермесу (богу или царю, правившему до эпохи фараонов), давшему этой науке свое имя. Ему приписывают несколько алхимических трактатов, в том числе знаменитую «Изумрудную скрижаль»

– несомненно, самое краткое и, возможно, самое ясное из всех существующих описаний Великого Деяния. Одна из легенд гласит, что текст этот был найден воинами Александра Македонского в недрах Большой Пирамиды в Гизе, которая являлась не чем иным, как усыпальницей Гермеса. Тот якобы собственноручно вырезал алмазом несколько строк, составляющих текст скрижали, на изумрудной пластине, откуда и возникло название.

Приведу эту надпись полностью, чтобы читатель сам убедился, столь трудны для понимания алхимические тексты:

«Это верно, без обмана, истинно и справедливо! То, что внизу, как то, что вверху, и то, что вверху, как то, что внизу, для того, чтобы совершить чудеса одного и того же. И подобно тому как все предметы произошли из Одного, по мысли Одного, так все они произошли из этого вещества, путем его применения.

Его отец – Солнце, его мать – Луна; Ветер носил его в своем чреве, Земля – его кормилица. Оно – отец всякого совершенства во Вселенной. Его могущество безгранично на земле.

Отдели землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством. Это вещество поднимается от земли к небу и тотчас снова нисходит на землю. Оно собирает силу и верхних и нижних вещей.

И ты получишь славу мира, и всякий мрак удалится от тебя.

Это могущественная сила всякой силы, она уловит все неуловимое и проникнет во все непроницаемое, потому что так сотворен мир.

Вот источник удивительных применений... Вот почему я был назван Гермесом Трижды Величайшим, владеющим Тремя отделами Всеобщей философии. Я сказал здесь все о деле Солнца»¹³.

* * *

Известно, что египтяне увлекались алхимией с самой глубокой древности, но любопытно, что так же обстояло дело на другом конце земли – в Поднебесной империи. Действительно, в древнейших китайских литературных текстах «Чжуан-цзы»¹⁴ и Даодэцзин¹⁵ уже встречаются рассуждения о материи и о возможности трансмутации металлов. Кстати, в Китае даосской эпохи еще не знали о сильных кислотах, растворяющих металлы, – тем не менее опыты по трансмутациям поразительно сходны с деятельностью герметиков средних веков.

¹³ Более или менее канонический перевод, взятый из книжки Н.А.Морозова «В поисках философского камня».

¹⁴ «Чжуан-цзы» относится кр второй половине III в. до н. э. – *Прим. ред.*

¹⁵ «Даодэцзин»(чаще упоминается как «Лао-цзы») относится к IV в. до н. э. Название переводится как «Книга о Пути и свойствах природы человека». – *Прим. ред.*

Однако подлинная алхимия – по крайней мере в привычном для нас понимании – появилась, полагаю, у греков, арабов и византийцев. Главная греческая школа герметического искусства была основана в Александрии, примерно в начале IV века н. э. Зосимой Панаполитанским. До наших дней дошло лишь сколько его сочинений, в частности «Трактат о печах», где стеклянные сосуды для дистилляции описываются задолго до того, как о них заговорили арабские ученые. Один из его учеников, Демокрит, утверждает, будто бы уже были получены два порошка – белый и красный. Мария Еврейка (некоторые почему-то путают ее с Мариам, сестрой Моисея) жила в то же время. Именно она придумала «водяную баню», столь часто применяемую в современной кулинарии; кроме того, она изобрела *керотакис*, закрытый сосуд, в котором подвергаются воздействию пара тончайшие пластинки различных металлов, а также ареометр, совершенно идентичный нынешнему, со временем, совершенно забытый и заново открытый Бхэме в XVIII веке.

Из Александрии алхимия в V веке «эмигрировала» в Византию, где по прошествии нескольких десятилетий с ней познакомились арабы, которые собрали у себя все наследие египтян и греков. С VII по XI века алхимия проникла во все завоеванные арабами страны – в частности в Испанию, превратившуюся в один из крупных центров герметического искусства Европы, которая все еще прозябала во мраке невежества. Арабское влияние на герметическое искусство

было весьма значительным и сохраняло все свое значение вплоть до времени Альберта Великого и Фомы Аквинского. Многие термины арабской алхимии вошли в обиход – например эликсир, алкоголь и т. п. Величайшим арабским адептом был, вне всяких сомнений, Гебер; я уже цитировал его «Сумму совершенств магистерии». Полагаю, будет небесполезным задержаться на личности этого человека.

Подлинное имя Гебера – Джабир Ибн Хайян. Он жил в VIII веке н. э., учился у знаменитого исламского теолога имама Джафара и в свою очередь стал весьма авторитетным ученым. В своих трудах он объясняет, как изготовить азотную кислоту, царскую водку и другие химические вещества, совершенно неведомые тогдашним западным естествоиспытателям. Поскольку он добавляет, что все эти открытия принадлежат его учителю Джафару, следует признать, что таких выдающихся результатов арабская алхимия достигла уже в VII веке. Неудивительно поэтому, что западные историки потратили много сил, доказывая, что трактаты Гебера написаны якобы гораздо позже, что сам он не был ни алхимиком, ни просто химиком, да и вообще не существовал! Однако со временем в библиотеках Каира и Константинополя были найдены многочисленные сочинения Гебера, подлинность которых сомнения не вызывает: в них содержатся чрезвычайно интересные мысли о философии природы, о предсказании будущего, о химических свойствах природных тел, Правда, авторство «Суммы совершенств» все еще оста-

ся под вопросом, поскольку арабская рукопись была утрачена, а самая ранняя из известных версий перевода относится примерно к концу XIII века и переводчик с целью придать больший вес арабскому алхимику вполне мог включить в текст описания открытий, сделанных в XI и XII веках. Во всяком случае, сегодня это проблема чисто академическая.

Этот краткий экскурс в историю алхимии подводит нас к вопросу атрибуции текстов, которые доставляют такое наслаждение эрудитам. Считаю необходимым сказать по этому поводу несколько слов: действительно, читая эту книгу, мы увидим, что сомнению подвергалось авторство едва ли не всех трактатов, под которыми стоят имена великих адептов. Так, если верить историкам, или, точнее, тем, кто претендует на это звание, то ни Альберт Великий, ни его ученик Фома Аквинский не посвятили алхимии в своих сочинениях ни единой строки (хотя последний в «Сумме теологии» много рассуждает, например, о том, можно ли считать мошенничеством продажу герметического золота). Трактаты, приписываемые Арнальдо де Виланова¹⁶, Раймунду Луллию, папе Иоанну XXII и многим другим, тоже – по мнению этих историков – являются фальшивками; что же касается таких знаменитых алхимиков, как Василий Валентин или Никола Фламель, то они якобы вообще не существовали, хотя неко-

¹⁶ Виланова де Арнальдо (иногда его называют, в соответствии с европейской традицией, Арно де Вильнев) (1250 – ок. 1313) – врач и алхимик. Годы жизни даны по БСЭ; в «Приложении» год рождения – 1240.

которые события из жизни парижского издателя подтверждаются нотариальными документами, а в Париже сохранился по меньшей мере один из домов, в котором он жил.

Подобные дискуссии представляются мне чистой софистикой. Совершенно очевидно, что имя Василий Валентин – псевдоним: *Базилевс* по-гречески означает «царь», латинское слово *Valens (valentis)* переводится как «сильный». Но ведь никому не придет в голову усомниться в существовании Мольера по той причине, что от отца ему досталась совсем другая фамилия! Нет сомнения, что некий человек, взявший себе псевдоним Василий Валентин, действительно писал алхимические трактаты, где впервые в истории западной науки излагаются замечательные открытия, благодаря которым имя их автора до сих пор часто упоминается в исследованиях по неорганической химии. Обратимся теперь к Раймунду Луллию (я еще вернусь к нему, когда мы будем рассматривать жизнь этого адепта): почти все его сочинения на тему алхимии были объявлены апокрифами. По какой же причине? Главным образом потому, что они были опубликованы посмертно. Однако Луллий жил на Мальорке, иными словами, в опасной близости от католической Испании, поэтому весьма вероятно, что он поручил ученикам опубликовать его герметические сочинения после смерти осторожности ради. Следует отметить, что его авторство стали оспаривать лишь после того, как он был причислен католической церковью к лику «блаженных»...

Вот почему в этой книге я не буду уделять никакого внимания академическим дискуссиям, касающимся атрибуции того или иного текста, Охотно допускаю, что в некоторых случаях нельзя с уверенностью сказать, принадлежит ли трактат тому автору, чье имя значится на обложке: какое это имеет для нас значение спустя триста или четыреста лет!

Терпеливое изучение старых философов позволило мне обнаружить весьма любопытный факт, Как я и подозревал, большинство из них оценивает свойства камня с точки зрения медицины куда выше, чем с точки зрения трансмутации. В первой приведенной нами цитате из книги «Двенадцать ключей философии» Василий Валентин советует читателям применять философский камень «с пользой для здоровья». В другом месте он уточняет: «Трактатом сим я желал показать тебе и открыть Камень Древних, пришедший к нам с небес для здоровья и утешения людей в сей долине скорбей, ибо Камень этот – величайшее земное сокровище, коим я по праву владею».

Тем не менее многое для меня оставалось загадочным: почему *необходимо* было совершать трансмутации и в чем различия между универсальным снадобьем, жидким золотом и эликсиром долгой жизни? Так что мне пришлось продолжить изучение тех принципов, на которых покоится герметическое искусство и в которых – лишь в них одних – можно найти искомые ответы.

Принципы Алхимии

Обычно говорят об алхимических *теориях*, но сами алхимики не признают этот термин, считая его слишком доктринерским, слишком схоластическим. Их искусство строится прежде всего на особых отношениях между ними и Природой, причем отношения эти складываются по-разному у различных адептов. Однако всех их объединяют некоторые общие *принципы*, которые мы сейчас и рассмотрим.

Первый и главный из этих принципов – утверждение единства материи. Например, Василий Валентин пишет в своем трактате «Триумфальная колесница сурьмы»: «Все сущее происходит из одного семени, изначально все порождено было единой матерью». Это та же мысль, которая в более аллегорической форме содержится и в «Изумрудной скрижали»: «То, что внизу, как то, что вверху, и то что вверху, как то, что внизу», – и в завершенном виде звучит в «Завещании» Раймунда Луллия: «*Omnia in unum*»¹⁷.

Для средних веков современность этой концепции удивительна; однако не следует забывать, что алхимия – это наука прежде всего традиционная и знание платоновской философии для адептов любой исторической эпохи было обязательным, причем преемственность эта никогда не прерывалась. Все знали, что на одной из стел храма в Саисе была выреза-

¹⁷ Все в одном (*лат.*).

на максима, авторство которой приписывалось греческому мыслителю: «Я то, что было, есть и будет. Никто из смертных не приподнял скрывающий меня покров».

Кроме того, алхимики исходили из принципа, что металлы не являются простыми телами: все они состоят из трех элементов, пропорции которых могут варьироваться: это ртуть философов, сера философов и соль, или мышьяк. Уточним сразу же, что ни в коем случае нельзя путать ртуть философов и философскую ртуть! Многие «суфлеры» совершали роковую ошибку, отождествляя эти две различные субстанции, которые схожи лишь в том, что обе не имеют никакого отношения к ртути. Точно такая же ситуация – с серой и солью: они никак не соотносятся с одноименными химическими веществами – речь идет всего лишь о символическом обозначении.

В соответствии с этим принципом алхимики полагали, что например, медь состоит из равных долей серы и ртути, но включает в себя лишь микроскопическое количество соли. Что до золота, вот как говорили о нем два знаменитых адепта. В своем «Кратком руководстве совершенной магии» («Abrege du parfait magistere») арабский алхимик Гебер (VIII век) утверждает: «Солнце (золото) образуется из очень летучей ртути и небольшого количества чистой серы – плотной, светлой, с отчетливым красным оттенком. Поскольку сера эта окрашена неравномерно и цвета одной более насыщенны, чем другой, то и желтизна золота бывает

разной». Английский же монах Роджер Бэкон (XIII век) говорит в трактате «Зеркало алхимии»: «Природа золота такова; это совершенное тело, составленное из чистой, твердой, блестящей красной ртути и чистой, твердой, красной, невозгораемой серы. Золото – совершенно».

Мы видим, что мнения двух алхимиков, разделенных столетиями и принадлежащих к разным культурам, полностью совпадают.

Сделаем еще одно уточнение: эти названия – сера, ртуть, соль – представляли собой вовсе не абстрактные понятия. Они указывали на вполне определенные качества материи. Ртуть, или женское начало, символизирует собственно металл, с присущими ему блеском, ковкостью и тягучестью. Сера, или мужское начало, определяет степень возгораемости и цвет. Соль (или мышьяк) являет собой не столько третий элемент, сколько способ соединения серы и ртути.

Очевидно, такая концепция полностью оправдывает идею трансмутации: поскольку все металлы состоят из одних и тех же элементов, логично предположить, что существующие пропорции можно изменить посредством агента-катализатора, или, иными словами, философского камня. Впервые подобную «теорию» изложил Гебер, ни в коем случае не претендуя на авторство открытия; авторство он приписывал древним.

В результате алхимии пришли к выводу, что в природе существует некая первичная материя. Более того, они пола-

гали, что минералы и металлы формируются на основе этой первичной материи точно так же, как формируется, развивается плод в материнской утробе. Следовательно, должно существовать семя металлов, как существует оно в растительном и животном мире. Одной из целей герметического искусства и стал поиск этого семени, так что мы нередко встречаемся с выражением *минеральная сперма*.

* * *

Вместе с тем герметические философы не отказались от старой, сформулированной в античные времена теории о четырех элементах – они просто приспособили ее к своему искусству. Согласно этой теории, мироздание состоит из четырех элементов: Земли, Воды, Воздуха и Огня. Различаются они по весу: самый тяжелый элемент – Земля, за ней следуют Вода и Воздух, Огонь же намного легче их всех. Вследствие этого первые два элемента устремляются под тяжестью своего веса вниз а остальные два – вверх. Аристотель развил эту теорию, указав, что четыре элемента связаны между собой такими свойствами, как сухость, тепло, влажность, холод, причем такие противоположности, как холод и тепло или сухость и влажность, являются абсолютно несовместимыми.

Отсюда – четыре союза, которые в конечном счете и породили четыре элемента:

Тепло + Сухость = Огонь

Тепло + Влажность = Воздух

Холод + Сухость = Земля

Холод + Влажность = Вода.

Таким образом, каждый элемент включает в себя какую-то часть того, что содержится в двух других, – отсюда их способность смешиваться.

Альбер Пуассон прекрасно описал, как алхимики эту старую классическую теорию приспособили к своим нуждам: «Для алхимика любая жидкость – Вода, любое твердое тело – Земля, любой пар – Воздух. Именно поэтому в древних трактатах по физике говорится, что обычная вода при нагревании превращается в Воздух. Это не означает, что вода становится частью пригодной для дыхания смеси, составляющей атмосферу: просто вода из субстанции сначала жидкой переходит в воздухообразное состояние – газ, как сказали бы позднее. Под элементами (понимались не только физические состояния, но и – в расширительном смысле – свойства». Пуассон завершает свое исследование таблицей соответствий, которую мы здесь воспроизводим.

* * *

Здесь нужно вспомнить об отношениях, которые алхимия всегда поддерживала еще с одной древней античной наукой – астрологией. Не все авторы о ней упоминают; похоже, такие

великие адепты, как Никола Фламелль или Филалет, считали астрологию совершенно чуждой герметическому искусству. Другие алхимики, принадлежавшие к самым разным эпохам: Зосима Панаполитанский (IV век н. э.), Василий Валентин (XV век), Парацельс (XVI век) – придавали ей громадное значение.

В алхимической рукописи Никола Валуа мы читаем: «Знайте же, сын мой, любимейшее из чад моих что Солнце, Луна и звезды постоянно воздействуют на центр Земли».

Нелишним будет уточнить, что с момента возникновения герметического искусства была установлена тесная связь между металлами и планетами и уже тогда появились соответствующие таблицы:

Солнце – Золото

Луна – Серебро

Венера – Медь

Марс – Железо

Юпитер – Олово

Сатурн – Свинец

Меркурий – жидкое серебро

(названное позже ртутью)

* * *

Этот выбор главных алхимических понятий естественным образом, подводит нас к философскому камню, кото-

рый является их производным и одновременно служит их подтверждением.

Вот как описывает его современный адепт Фюльканелли:

«Философский камень предстает перед нами в виде прозрачного, светопроницаемого тела, красного в массе, желтого после измельчения; он обладает большой плотностью и чрезвычайной плавкостью, хотя при любой температуре сохраняет свой характер, при этом благодаря своим качествам становясь жгучим, ярким, всепроникающим, неудержимым и несгораемым».

Обратите внимание: сам по себе камень не обладает *способностью совершать трансмутацию*; он лишь позволяет приготовить *порошок-катализа тор*, с помощью которого и происходит эта знаменитая операция. В твердом состоянии камень сплавляли с очищенным золотом или серебром. Порошок для трансмутации любого металла в золото, то есть для *хрисопеи*, был красного цвета, а полученный с помощью серебра – белого.

Хрисопею описывали неоднократно: например, взяв один грамм порошка на сто граммов металла¹⁸, его бросали – смешав с воском или обернув в бумагу¹⁹ – в расплавленный и доведенный до точки кипения металл. Примерно через пят-

¹⁸ Пропорции между количеством порошка и металла сильно колебались: они зависели от силы камня, изготовленного алхимиком

¹⁹ Иначе пары расплавленного металла воздействовали на порошок, лишая его способности производить трансмутацию.

надцать минут металл целиком превращался в золото, несколько не теряя в весе.

Впрочем, почти во всех трудах по алхимии указывается, что философский камень служил также для получения жидкого золота, или универсального снадобья, равно как и эликсира долгой жизни. Подобные формулировки совершенно ошибочны. Абсурдно утверждать, что камень служит *и* для трансмутации металлов, *и* для приготовления универсального снадобья, *и* для изготовления эликсира. Философский камень используется *только* для изготовления универсального снадобья, которое и *является* эликсиром долгой жизни.

«А как же с трансмутацией?» – спросите вы. Ответ прост: хрисопея служила всего лишь контрольной *проверкой*, производимой по завершении магистерии с целью удостовериться, что полученная субстанция действительно представляет собой, философский камень. В этом состоит главная особенность герметического искусства: алхимики отнюдь не видели свою цель в трансмутации металлов ради получения золота, как полагала публика, они должны были произвести эту операцию, чтобы убедиться в качествах своего камня. Именно поэтому мало кто из адептов был богат: обычно они совершали две или три проекции с единственной целью – обновить запас эликсира долгой жизни. Истинные алхимики никогда не жаждали обладать благами земного мира и, в частности, золотом.

Посредством трансмутации металлов они стремились

преобразовать самих себя, принимая в течение двух лет гомеопатическую дозу раствора философского камня. Лишь в немногих трактатах подробно описываются этапы физической и моральной трансформации адепта – причем все редкие рукописи, посвященные данной теме, никогда не были напечатаны и хранятся лишь в больших библиотеках. Я получил необходимые сведения только благодаря эрудиту и «поклоннику науки» Бернару Юссону, который посвятил более двадцати лет изучению старинных герметических текстов, не изданных до сих пор.

Воздействие раствора философского камня начинается с вывода из тела всех токсических веществ, а также болезнетворных микробов. Адепт внезапно лишается волос, ногтей и зубов, которые затем вырастают вновь, обретая значительно большую крепость и здоровье. Все естественные выделения совершаются путем испарения, отпадает необходимость мочиться и облегчать кишечник, а вскоре и пища становится совершенно излишней. Так что вы сами можете видеть, сколь ложным является представление об алхимике, который ест только для поддержания жизненных сил – напротив, высший адепт ест лишь ради удовольствия, поскольку избавлен от необходимости удовлетворять те естественные потребности, которым, вынуждены служить все прочие люди! Камень оказывает влияние не только на тело; он многократно увеличивает также интеллектуальные и духовные возможности, повышая тем самым шансы овладения Выс-

шим Знанием. На этом пункте все трактаты замолкают, ибо обычный человек не способен следовать за редкими избранниками в их новую Вселенную.

Здесь я сошлюсь на пример из недавнего времени. Одного современного алхимика (мне известно, что во Франции их около дюжины) приобщил к тайнам алхимии, обремененный познаниями и годами адепт, который затем исчез. Недавно этот алхимик встретил своего учителя; прошло сорок лет с тех пор, как они виделись в последний раз, но кое-что изменилось: учитель выглядел теперь куда моложе ученика...

Все это легенды, скажут убежденные картезианцы²⁰, – эти пресловутые трансформации существуют лишь в воспаленном сознании ваших алхимиков, и выдумки свои они ничем доказать не могут.

Так вот, могут! Существует по крайней мере одно доказательство подобных физических трансформаций, а значит, и действительности эликсира долгой жизни, В частном собрании неизданных рукописей Бернар Юссон нашел сообщение об одном необычайном событии, которое произошло в начале XVII века в окружении государственного советника Сен-Клера Тюрго. Речь идет о мемуарах врача, не предназначенных для публикации? и об алхимии в них больше нигде не говорится, в силу чего они и представляют для нас особый интерес.

²⁰ Они забывают, что Декарт весьма интересовался учением Розы и Креста, а следовательно, и алхимией.

Советник состоял в связи с незамужней дамой, которую принимал каждый день в своем доме. Стремясь соблюсти приличия, та уходила в город в сопровождении старого конюшего, мэтра Арно; тот дожидался ее у соседнего фармацевта, с которым в конце концов подружился. Этот фармацевт, более двадцати лет посвятивший созданию философского камня, однажды встретил мэтра Арно радостным воплем:

– Наконец-то я его нашел! Нашел!

– Что ты нашел?

– Камень, Арно... Эликсир! Посмотри, – воскликнул он, потрясая какой-то склянкой, – вот раствор жизни. Выпьем его немедленно, старый друг, в нашем возрасте нам это более чем необходимо.

С этими словами фармацевт налил по полной ложке эликсира себе и Арно. Проглотив жидкость, он предложил Арно сделать то же самое, однако старый конюший из осторожности лишь смочил губы и язык. Из затруднения его вывел присланный дамой лакей, который сообщил, что хозяйка их уже покинула дом советника и ему должно сопровождать ее. Арно отдал ложку с эликсиром фармацевту и удалился с такой быстротой, какую позволяли его дряхлые ноги.

Однако: по пути домой его вдруг прошиб холодный пот, сменившийся сильным жаром. Дама, страшась за жизнь верного слуги, послала одного из лакеев за фармацевтом, который, как она знала, был в дружбе с Арно. Лакей вернулся

один: фармацевт внезапно скончался!

Конюший довольно быстро оправился от недуга, но лишился волос, ногтей и даже зубов. Сен-Клер Тюрго, узнав об этом странном происшествии, решил лично побеседовать с ним. После этого разговора он предложил 100 тысяч ливров за склянку с эликсиром, но наследники фармацевта не смогли ее отыскать, потому что в лавке было обнаружено множество совершенно одинаковых сосудов без каких бы то ни было надписей на них.

Много лет спустя врач, входящий в дом Сен-Клера Тюрго, описал это необыкновенное событие в своих мемуарах. В заключение он добавил, что у Арно вновь выросли волосы, ногти и зубы, а в момент написания мемуаров старый конюший чувствовал себя превосходно, невзирая на свои сто двадцать три года...

Реализация деяния

Изложив основные пункты алхимической доктрины, я хотел бы познакомить читателя с тем, как показана их практическая реализация в небольшом трактате «Принципы Филалета», где даются краткие, но *ясные* указания относительно этапов магии.

Эйрелей Филалет, автор трактата, принадлежит к числу величайших адептов. Вот что он говорит о себе в начале своего самого известного сочинения «Открытый вход в закры-

тый дворец Короля» («*Entree ouverte au palais ferme du Roi*»): «Я философ-адепт и буду называть себя не иначе как Филалетом: сие анонимное имя означает *Поклонник Истины*». Далее, рассказывая о своих лабораторных исследованиях, он добавляет: «Это не сказки, это – результат доподлинных и успешных Опытов, которые сам я произвел и знаю о них все, как легко узнает это из сочинения сего любой человек, ставший философом».

Трактат «Принципы Филалета» был написан примерно в середине XVII века и переведен с латинского на французский в 1672 году Сальмоном для его собрания алхимических текстов «Библиотека химических философов» (*Bibliothèque des Philosophes Chimiques*). Я лишь слегка поправил старинную орфографию, но не стал вносить никаких изменений в сочинение адепта, которое остается, невзирая на отдаленность во времени, чрезвычайно понятным и иногда поражает чисто современной манерой выражения.

Принципы Филалета

для руководства фазами герметического Деяния, составленные Эйрнеем Филалетом, англичанином по рождению и обитателем Вселенной

1. Не приступайте к Великому Деянию на основе правил, которые были вам внушены невеждами или книгами софи-

стов, и никогда не отклоняйтесь от следующего принципа: если стремитесь вы к Золоту или Серебру, пусть будут Золото и Серебро единственным материалом, с коим будете вы работать посредством нашего Ртутного источника, приготовленного для промывки их, и сие потребует от вас чрезвычайного тщания.

2. Не прислушивайтесь к говорящим вам, будто Золото наше есть Золото не обычное, но физическое: верно, что обычное Золото мертво, однако готовим мы его таким образом, что оно вновь оживает, как мертвое зерно оживает в земле. По истечении шести недель Золото, которое было мертвым, в деянии нашем становится живым и плодоносным, ибо помещено было в подходящую для него почву, под коей разумею я наш состав. Итак, можно по справедливости называть его нашим Золотом, ибо мы соединили его с агентом, призванным дать ему жизнь; ведь бывают случаи противоположного толка, когда осужденный на смерть именуется покойником, потому что он скоро умрет, хотя и живет еще.

3. Помимо Золота, которое являет собой тело и исполняет роль мужского начала в Деянии нашем, вам понадобится другое семя, иными словами: дух, душа, женское начало; семя это представляет собой текучую Ртуть, подобную по облику своему обычному жидкому серебру, только более чистому и светлому. Некоторые используют вместо Ртути растворы и жидкости всякого рода, именуя их Философской ртутью. Не позволяйте соблазнить себя красивыми речами

и не совершайте такую работу, ибо она бесполезна; нельзя собрать то, что посажено не было; плод вырастает из посаженного зерна; и если вы сажаете Золото в землю или в Ртуть, которые не являются металлическими и не однородны с металлами, вместо металлического эликсира получите вы в результате операции своей лишь бесполезную презренную известь.

4. Ртуть наша по сути своей совпадает с обыкновенным жидким Серебром; но отличается от него формой своей, небесной, огненной, совершенной; качества эти получает она посредством нашего Искусства во время приготовления.

5. Секрет же приготовления состоит в том, что нужно взять минерал, близкий к Золоту и Ртути. Его следует пропитать летучим Золотом, каковое обретается в Марсе²¹, затем очистить им Ртуть по меньшей мере семь раз. По завершении этого Ртуть готова к Королевской, или Золотой, ванне.

6. От семи до десяти таковых операций очищают Ртуть и делают ее более активной, поскольку каждый раз смачивается она нашей истинной серой; но если превзойти это число приготовлений, или возгонок, станет она слишком огненной и, будучи уже не в силах растворить вещество, сама собой загустеет, так что Золото не сможет с нею сплавиться или в ней раствориться.

7. Эту разжиженную, или одушевленную, Ртуть должно

²¹ Марс символизирует железо

еще, два или три раза дистиллировать в стеклянной реторте, так как в процессе приготовления могли остаться кое-какие атомы вещества; затем надо промыть ее в уксусе, или аммиачном растворе; теперь она готова для нашего Деяния, что следует понимать в смысле метафорическом.

8. Всегда для этого Деяния выбирайте Золото чистое и без примесей; если приобрели вы его не таким, сами совершите очистку обычными способами. После этой операции обратите его в тонкий порошок путем опилования или как-то иначе; можно также раскатать его или, если захотите, растворить на огне в любом едком веществе: всякий метод годится, лишь бы оно стало очень тонким.

9. Теперь переходим к смеси. Возьмите одну или две унции приготовленного вещества и две или три унции одушевленной Ртуты, о которой я вам уже говорил; смешайте их в мраморной ступке, нагретой до температуры кипящей воды; растолките и разотрите их, пока не смешаются они в одно целое, затем влейте уксус и соль, чтобы добиться совершенной чистоты, затем смягчите раствор теплой водой и тщательно высушите его.

10. Хотя все предшествующее и выглядит загадочным, заверяю вас в искренности моей: именно тем способом, которому я вас научил, мы пользуемся сами, и все древние философы использовали этот способ, ибо нет другого. Хитрость наша состоит лишь в том, что в работе этой применяется два рода огня.

Внутренний тайный огонь есть орудие. Бога, человеку не дано познать свойства его. Мы будем часто говорить об этом огне так, словно речь идет о внешнем воздействии жара: именно отсюда проистекают ошибки многих ложных философов и людей неосторожных. Этот наш огонь разделен на градусы, тогда как внешний жар является почти линейным, то есть ровным и одинаковым на протяжении всей работы, но лишь в Белом Деянии может он быть неизменным, кроме первых семи дней? когда поддерживаем мы его более слабым ради чистоты Деяния; впрочем, опытный философ в таких разъяснениях не нуждается.

В отличие от внешнего жара тайный огонь с каждым часом неприметно усиливается, отчего раствор ваш ежедневно обновляется посредством варки, и цвета его изменяются, показывая степень созревания. Здесь развязан мною чрезвычайно сложный и прочный узел, поэтому должны вы всегда помнить об этом и более не впадать в заблуждение.

11. Вам нужно приготовить стеклянный сосуд или колбу, без которой невозможно завершить работу: пусть она будет овальной или круглой и подходящей по размеру, то есть способной вместить вашего состава еще столько же, сколько вы туда поместили; мы называем ее философским яйцом; стекло должно быть толстым, в высшей степени прозрачным и без единого изъяна; горлышко же высотой не более чем пол фута. Когда поместите вы туда ваш состав, горлышко следует герметически закупорить, что не осталось ни единой ще-

лочки, ибо тончайший дух испарится через самое крохотное отверстие, и труд ваш пропадет впустую.

Чтобы убедиться в должной закупорке сосуда, произведите следующий опыт, никогда не дающий осечки. Охладив сосуд, поднесите горловину ко рту и с силой вдохните: если есть хоть малейшее отверстие, вы извлечете содержавшийся в сосуде воздух, который, едва отнимете вы губы от горлышка, вернется туда с ясно различимым для уха свистом; опыт сей всегда оказывался удачным.

12. Необходимо также иметь печь, которую мудрецы называют *атанором*. В ней сможете вы завершить ваш труд. В первой фазе понадобится такая печь, где можно поддерживать жар тускло-красный или более слабый, по желанию вашему, но не меньше двенадцати часов должен он пребывать в одинаковом состоянии, отдавая полностью тепло; если подобная печь у вас есть, соблюдайте следующие пять условий.

Первое состоит в том, что «гнездо» для яйца должно быть равно размерами поддону и чтобы пустого пространства было не больше дюйма; тогда огонь, вырывающийся из отверстия, обхватит под-дон целиком.

Второе состоит в том, что поддон должен вмещать лишь сосуд, колбу или философское яйцо, чтобы между дном и стенами колбы поместился слой пепла толщиной в дюйм; всегда помните слова философа: «Один сосуд, одна материя, одна печь».

Поддон должен находиться прямо над отверстием, под ко-

торым разведен огонь, причем отверстие должно быть лишь одно и диаметром примерно в два дюйма; вырывающийся из него язык пламени нужно всегда регулировать по высоте сосуда, чтобы жар распространялся вокруг него и постоянно поддерживался, если в том есть необходимость.

Третье условие: полость печи должна в три или четыре раза превосходить диаметр поддона; если он слишком велик, вам никогда не удастся нагреть сосуд равномерно и постоянно, как это необходимо.

Третье условие: полость печи должна в три или четыре раза превосходить диаметр поддона; если он слишком велик, вам никогда не удастся нагреть сосуд равномерно и постоянно, как это необходимо.

Четвертое условие: если окружность печи не достигает примерно шести дюймов в месте нагревания, то пропорции вами не соблюдены и должного уровня нагрева вам не добиться; если же вы превысите эту меру и пламя распространится шире, оно окажется слишком слабым.

Наконец, пятое условие состоит в том, что в передней стенке печи должно быть одно отверстие, размером около дюйма; этого достаточно для подкладывания философского угля, дабы тот снизу усиливал пламя.

13. Когда все будет именно так устроено, поместите яйцо, в котором содержится ваша материя, в печь и нагревайте его согласно требованиям природы, то есть на огне слабом и не слишком жарком, ибо вы начинаете там, где природа закон-

чила.

Вы не должны забывать, что Природа оставила материю в царстве минералов, и хотя сравнения наши мы черпаем у растений или у животных, вам следует приспособляться к тому царству, где находилась материя, с коей вы желаете работать; например, если я сравниваю зачатие человека и прораствание зерна, не думайте, будто, по мнению моему, тепло, подходящее для одного из них, является таковым и для другого; ибо мы уверены, что в земле, где прорастают зерна, имеется тепло, которое растения чувствуют с первых весенних дней; однако такого тепла недостаточно, для созревания яйца, а человек не только не почувствовал бы его, но? напротив, был бы охвачен холодом. Поскольку труд ваш целиком зависит от царства минералов, вы должны определить необходимую меру тепла, со всем тщанием различая слабый и сильный жар.

Помните также, что Природой вы не только оставлены в царстве минералов, но и должны работать с Золотом и Ртутью, а оба эти металла не горят; что Ртуть чутка и может разорвать удерживающий ее сосуд, если огонь слишком силен. Пусть она не горит и огонь не может ей повредить, но вы должны удержать ее вместе с мужским семенем в одном стеклянном сосуде, а это сделать невозможно при слишком жарком пламени, из-за которого вы не сумеете осуществить Деяние.

Поэтому даже более сильный жар, удерживающий в рас-

плавленном состоянии свинец и олово, можно оценить как умеренный или ограниченный, ибо он не должен повредить сосуд. Отсюда видно, что начинать необходимо с уровня тепла, присущего тому царству, в коем оставила вас Природа.

14. Весь последовательный ход этого опыта, который символизирует воздействие Луны на почву, состоит в том, чтобы подняться вверх облаком и пролиться дождем; поэтому советую вам постоянно возгонять пары? чтобы камень наполнился воздухом и мог жить.

15. Но этого еще недостаточно для получения устойчивого раствора: нужно, чтобы вода нашего озера кипела с теплом дерева Гермеса. Советую вам поддерживать ее в состоянии кипения денно и нощно, чтобы в волнениях бурного моря небесная субстанция поднималась вверх, а земная опускалась вниз. Конечно, без точного расчета этой операции, суть которой – в кипении, мы никогда не сможем назвать наш труд актом огненного преобразования; это будет всего лишь вываривание; ибо, если дух вещества циркулирует в тишине, а сами вещества, находящиеся внизу, не перемешиваются в процессе кипения, это называется именно вывариванием.

16. Не торопите процесс в надежде получить урожай до созревания жатвы – так я называю Деяние; напротив, усердно трудитесь на протяжении целых пятидесяти дней, но не более, и тогда удача, может быть, забрезжит вдали.

Многим, говорит философ, наш труд представляется лег-

ким; лишь те, кто в него погружался, знают, сколь он труден. Например, бросив в землю зерно, через три дня вы увидите, что оно набухло; стоит, однако, вынуть его из земли, оно высохнет и вернется в первоначальное состояние. Между тем, поместили его в подходящее лоно, ибо зерно принадлежит земле; но необходимого для созревания времени ему не хватило. Самые твердые семена требуют для вызревания более долгого нахождения в земле; к таковым относятся орехи, косточки вишен и прочих фруктов; у каждого вида – свой срок, и этим ясно доказывается природная и плодоносная сущность процесса, каковой свершается то истечении предписанного времени, без преждевременного ускорения.

Неужели вы думаете, что самое прочное в мире вещество, каким является Золото, может изменить форму свою за столь краткое время? Нужно пребывать в ожидании до сорокового дня, когда появятся первые признаки почернения. Увидев сие, поймете вы, что ваше вещество разрушено, то есть обращено в душу живую, тогда как дух умер, то есть слился с веществом; но до появления черноты Золото и Ртуть сохраняют изначальную форму и природу.

17. Следите за тем, чтобы огонь не угасал ни на секунду; ибо малейшее охлаждение материи неизбежно погубит Деяние.

Из всего сказанного следует, что наш труд состоит в постоянном кипячении смеси на первом уровне растворяющего тепла, которое содержится в металлическом царстве, где

внутренний пар циркулирует вокруг материи, и в этом дыму оба они умрут. чтобы затем воскреснуть.

18. Поддерживайте огонь до появления красок; сначала вы увидите белизну. Когда она покажется (сие произойдет к концу пятого месяца), станет близким создание белого камня. Возрадуйтесь тогда, ибо с Востока в ореоле славы явится Царь, победитель смерти, и возвестит о сем лимонно-желтый круг, предвестник его или посланник.

19. Смело поддерживайте огонь, пока вновь не появятся краски, и вы увидите, как дивно заалет полевой мак. Восславьте Господа и благодарите Его.

20. Наконец, хотя камень ваш совершенен, следует прокипятить его или, скорее, вновь пропечь в той же воде, в тех же пропорциях и в том же режиме; только пусть огонь будет немного слабее; тем самым вы умножите количество и *силу* его согласно вашему желанию; повторять это можно столько раз, сколько захочется.

Пусть Господь, Отец света, Верховный Повелитель, Творец любой жизни и любого блага, ниспошлет на вас благодать, показав вам это воскрешение, дабы вошли вы в землю жизни, землю, обещанную верующим в Него, и когда-нибудь приобщитесь к жизни вечной. Да будет так.

Конец трактата

– «Принципы Филалета» можно считать кратким изложе-

нием его же знаменитого трактата «Открытый вход в закрытый дворец Короля». Я решил воспроизвести этот текст полностью, как ранее – текст «Изумрудной скрижали», чтобы читатель получил представление об основных трудностях, которые подстерегают изучающих герметическое искусство.

В сочинении Гермеса Трисмегиста главное препятствие – невнятность; нужно признаться, что понять «Скрижаль» почти невозможно (кстати, знаменитый комментарий к ней адепта Гортулена едва ли менее сложен). В трактате Филалета, напротив, все кажется предельно ясным. Он прямо говорит, что пресловутой первичной материей служит золото (уточняя, что речь идет об обыкновенном золоте), и намекает, что философской ртутью называется имеющееся в продаже жидкое серебро, приготовленное особым образом. Что касается объяснений относительно этапов Деяния, то они представляются чрезвычайно убедительными. И тем не менее трудно найти более обманчивый, лукавый текст.

Прежде чем рассмотреть его, следует вспомнить наблюдение Шредера²²: «Когда философы говорят без обвиняков, я не склонен им доверять. Когда они изъясняются загадками, я начинаю размышлять». Не будем забывать и слова, с которыми обратился к своему читателю Артефий: «Несчастный идиот! Неужто ты в простоте своей подумал, будто мы изложим тебе ясным и внятным языком величайшую и важней-

²² Видимо, имеется в виду немецкий математик и логик Эрнст Шредер (1841–1902). – *Прим., ред.*

шую из тайн? Неужто ты готов принять слова наши буквально? Уверяю тебя, тот, кто станет толковать написанное философами в прямом и буквальном смысле, непременно заблудится в тупиках лабиринта и не выберется из него никогда, ибо не обладает нитью Ариадны, которая могла бы его направить и вывести на верную дорогу, так что любые труды его окажутся тщетными, а деньги будут выброшены на ветер».

Наконец, и это особенно важно, следует помнить слова самого Эйренея Филалета. сделавшего в своем трактате «Открытый вход в закрытый дворец Короля» следующее признание: «Не стану скрывать, я смешал в одну кучу философские премудрости и такую невероятную чушь, что отсюда нельзя извлечь иного, кроме потерянного времени и бессмысленных расходов, если только многое из того, что я говорил в предыдущих главах, не толковать и не принимать в метафорическом смысле».

Исходя из этого, я могу заверить читателя, что «в метафорическом смысле» следует понимать и тождество первичной материи с обыкновенным золотом, в этом мы окончательно убедимся, когда доберемся до последней части данной книги. Что касается философской ртути, то она тоже не имеет ни малейшего отношения к живому серебру коммерсантов. Это вовсе не означает, что текст Филалета не интересен для нас: напротив. он чрезвычайно ценен как практическое руководство и техническое пособие.

В сущности, разрешить загадку можно только путем сопоставления бесчисленных трактатов; в одном описывается структура первоначальной материи, в другом – ее цвет, в третьем – удельный вес, в четвертом раскрывается, каким должен быть один из компонентов тайного огня, в пятом определяются уровни температуры в атаноре, то есть в печи. Вот единственный способ добиться результата, так что торопыгам здесь делать нечего – это занятие лишь для «поклонников науки».

Алхимия и современная наука

В отличие от астрологии, которую иногда даже преподавали в университетах наряду с обычными классическими дисциплинами, к алхимии в научных кругах всегда относились с подозрением. Несомненно, причиной служит то, что эта наука не может быть усвоена с помощью лекций, ибо речь идет о дисциплине в высшей степени потаенной, опирающейся на древние традиции и доступной только посвященным.

Потаенной, потому что – во исполнение древних запретов – истинная природа таких субстанций, как первичная материя, тайный огонь и философская ртуть, разглашению не подлежит, что исключает возможность ее публичного изучения.

Опирающейся на традиции, потому что алхимия покоится не на научных теориях, всегда открытых для пересмотра,

а на нескольких основополагающих принципах, которые не менялись и не могут измениться никогда.

Доступной только посвященным, потому что – за исключением редчайших случаев – для реализации магистерии одного книжного обучения недостаточно; необходима прямая инициация ученика Учителем, ибо только в ней содержится истинный *modus operandi*.²³

Из этого понятно, что алхимия никогда не пользовалась благосклонностью официальной науки; тем более что вплоть до самого последнего времени сама мысль о трансмутации считалась абсурдной и невозможной. Сейчас ситуация иная; автор научно-популярных статей Жан Бержье совсем недавно писал: «Все в очередной раз изменилось; в тот момент, когда, наука признала, что атом не является более мельчайшей частицей материи, она вновь вступила на путь, проложенный алхимиками. С открытием элементарных частиц трансмутация становится возможной. Ныне это – почти заурядное явление, в качестве доказательства достаточно привести тот факт, что в мире ежегодно производится несколько сотен килограммов плутония – металла, которого в природе не существует».

Еще пример: если мы откроем книгу «Ртуть» из серии «Что я знаю?» («Que sais-je?»), то увидим, что ее автор, Клеман Дюваль, сразу заводит речь о трансмутациях. Изотоп 189 ртути, говорит он, расщепляется в золото при электрон-

²³ Способ действия (*лат.*).

ном захвате, а чуть дальше добавляет: «Трансмутацию можно и вызвать. Так, Шерр, Бейнбридж и Андерсон в 1941 г. получили изотопы радиоактивного золота, бомбардируя ртуть быстрыми нейтронами. Нам известна трансмутация ртути в платину посредством химической реакции и в таллий – путем бомбардировки протонами или дейтронами».

В этой цитате один факт сразу привлек мое внимание: ртуть, именно ртуть, столь дорогая сердцу алхимиков, дает золото; а в дальнейшем мы увидим, что точно, так же дело обстоит со свинцом. Разве не удивительно, что из семи известных тогда металлов и прочих имеющихся в наличии химических веществ герметические философы безошибочно выбрали как основу для трансмутации ртуть и свинец? Это произошло совершенно случайно, могли бы ответить мне ученые мужи с факультета естественных наук, поскольку в реальности речь идет о трансмутации радиоактивных изотопов. *Случайность* в самом деле возможна, однако маловероятна; гораздо более уместным мне кажется слово *знание*. Знание метода, с помощью которого трансмутация устойчивых изотопов в другие устойчивые изотопы производится без использования фантастической энергии.

Мы к этому еще вернемся. Пока же, констатировав, что сам факт трансмутации доказан, посмотрим: изменилось ли отношение к алхимии? Нисколько. Послушаем вновь Жака Бержье: «Отныне против алхимиков выдвигают другие аргументы. Пусть так, пусть они угадали случайно возможность

трансмутации, но их ошибка состояла в том, что они прибегали к химическим методам. Тогда как добиться подобной цели можно только при помощи сложной аппаратуры, которой они ни в коем случае не располагали».

Действительно, позиция официальной науки ничуть не изменилась по сравнению с прошлым веком: герметическое искусство лишено реальной основы, в сочинениях адептов интерес представляют лишь открытия; сделанные ими в сфере органической и неорганической химии. Такая логика выглядит по меньшей мере удивительной: ведь приходится допустить, что алхимик – в *одном и том же* трактате – описывает новое вещество, способы его изготовления и свойства, то есть выполняет подлинно научный труд, а затем, словно вульгарный шарлатан; принимается рассказывать байки о создании философского камня! Подобный подход представляется мне абсурдным и не слишком честным: либо Василий Валентин, Парацельс и прочие их собратья, обогатившие химическую номенклатуру многочисленными элементами, были фантазерами, которые не могли совершить такие открытия, либо они были подлинными учеными, и тогда нужно с равным уважением относиться ко всему, о чем говорят они в своих трактатах.

К тому же эти открытия отнюдь нельзя отнести к числу мелких, хотя они и являлись побочным результатом основной работы алхимиков. Альберт Великий первым изготовил сульфат калия, а также определил состав киновари

(сернистого соединения ртути), свинцовых белил и сурика. Василий Валентин, помимо сурьмы, открыл соляную и серную кислоту. Парацельс обнаружил существование цинка, Глаубер²⁴ – сернистого соединения соды (глауберова соль), Брандт²⁵ – фосфора и других веществ. Нет нужды продолжать этот список, значение которого ясно читателю. Люди, – которые выделили, описали, открыли или изготовили эти вещества, никак не могли быть шарлатанами.

При этом необходимо помнить, что герметические философы не разделяли свой трактаты на две категории, в одних случаях описывая чисто химические открытия, в другом – рассказывая о философском камне. Нет, свои сочинения они целиком посвящали Великому Деянию, упоминая мимоходом о сопутствующих химических открытиях. Такой образ действий не характерен для фантазера или шарлатана – напротив, это позиция ученого, который желает сообщить современникам об открытии, пусть даже и незначительном. Следовательно, эти трактаты должны считаться истинными во всей их полноте.

Впрочем, сегодня практически опровергнуто мнение, будто трансмутацию можно произвести лишь посредством фантастической ядерной энергии. Открытия биолога Керврана показали, что феномен спонтанной трансмутации

²⁴ Глаубер Иоганн Рудольф (1604–1670) – немецкий химик и врач. – *Прим. ред.*

²⁵ Брандт Х. – немецкий химик. Датой открытия им фосфора считается 1669 г. – *Прим. ред.*

– вещь обычная в органической материи; более того, сейчас уже очевидно, что отношения между ядром и его электронами в органической и неорганической химии различны. Так, был произведен очень интересный опыт с таким заурядным представителем животного мира, как курица. Этим птицам для формирования скорлупы яиц необходим кальций, и ученые сознательно лишили нескольких особей содержащего кальций корма. Вместо этого в их пищу стали подмешивать слюду, то есть кремниевый алюминат калия. И что же? Обнаружилось, что куры сами вырабатывали необходимый им кальций, а это означает трансмутацию калия ($K = 19$) с захватом иона водорода ($H = 1$) в кальций ($Ca = 20$).

Напрашивается вывод, что имеются совершенно другие способы трансмутации, на уровне атомов и периферийных электронов без бомбардировки ядер с применением мощной энергии; эти способы и могли быть использованы алхимиками.

Новая теория, названная теорией магических чисел и получившая распространение в Советском Союзе, показывает, что за ураном должны существовать сверхтяжелые – но при этом устойчивые – элементы; тогда как ранее считалось, что все трансурановые элементы – радиоактивны и не обладают малой устойчивостью. Уже много говорят об элементе с весом-310 и атомным номером 135 – называется он экасвинец, или суперсвинец. Этот суперсвинец будто бы существует в природе и его микроскопические доли можно обнаружить

в обыкновенном свинце. Исследования – пока еще теоретические – его свойств показывают, что при трансмутации он способен выделить устойчивый изотоп золота.

* * *

Другое возражение кажется более обоснованным: как могли алхимики приобрести столь удивительные познания о структуре материи, если в основе их воззрений лежала абсолютно ложная теория, согласно которой все металлы состоят из трех субстанций, смешанных в разных пропорциях? Здесь стоит вновь обратиться к Жаку Бержье: «Алхимическая теория о том, что драгоценные металлы могут быть получены из трех элементов, именуемых или обозначаемых как соль, сера и ртуть, с точки зрения химии совершенно лишена смысла. Но не так обстоит дело в физике, если принять во внимание новейшую теорию кварков.

Что же такое кварки? Мы знаем, что в течение последних двадцати лет структура материи представляется нам все более и более фантастической. Сейчас известны двести частиц: одни из них – почти вечные долгожители, другие – эфемерные – существуют совсем недолго. Как их классифицировать? Благодаря настойчивым попыткам синтеза были обнаружены симметричные сочетания $SU(3)$, $SU(6)$, $U(12)$. Мы не станем углубляться в детальное описание этих структур; отметим лишь следующее: они подтверждают, что все части-

цы, иными словами, все сущее является сочетанием трех и только трех элементов.

Тем самым мы возвращаемся к алхимической триаде. Три составляющих элемента любой материи получили условное наименование кварков». И Бержье заключает: «Нас могут спросить, какую ценность имеет теория кварков? Быть может, эту идею выдвинул безвестный лаборант, незадачливый выдумщик, безрассудный мечтатель? Нет, авторство принадлежит китайцу Ли Цзундао, лауреату Нобелевской премии по физике за 1957 год, человеку, который совершил первую научную революцию, доказав несохранность равенства»²⁶.

Мне представился случай поговорить о кварках с одним молодым физиком, я спросил его: «Зачем давать им абстрактные наименования вроде $SU(3)$ и прочее? Не проще ли вернуться к традиционным названиям: сера, соль, ртуть философов?». Вопреки моим ожиданиям, он ответил без всякого возмущения: «Что же, в этом нет ничего невозможного».

Вообще же отношение нынешних ученых к алхимии сегодня гораздо куда менее однозначно, чем раньше. Например, в предисловии к уже упомянутой книге Дюваля о ртути можно обнаружить ссылки на герметическое искусство,

²⁶ Ли Цзундао (р. 1926) – физик-теоретик; с 1946 г. живет в США. Открытие, за которое он получил Нобелевскую премию (совместно с Ян Чжэньнином), называется гипотезой о несохранении четности в слабых взаимодействиях. – *Прим. ред* 2Марракеш – город на юго-западе Марокко.

причем без каких бы то ни было уничижительных эпитетов. «Она (ртуть) сыграла большую роль в развитии физики, алхимии, затем химии». Далее автор добавляет: «Если алхимики и не сумели осуществить трансмутацию, то им все же удалось выяснить основные ее принципы, которыми потом воспользовались химики для выделения и преобразования газов». Нас не должно удивлять утверждение о неудавшейся трансмутации, но важно, что алхимия поставлена в один ряд с признанными науками – такими, как физика и химия. И это ясно доказывает, что современный ученый не испытывает, в отличие, например, от Бюффона, презрения к этой маргинальной дисциплине.

Позволю себе привести в качестве примера одну историю, рассказанную Жаком Бержье. Действие происходит в 1949 году, в Марракеше, на продуваемой всеми ветрами площади Джема эль Фна. Старый араб в зеленом тюрбане секты фаджанов нагревает герметично закупоренный стеклянный сосуд в печи с древесным углем. Рядом стоит доктор Холмьярд из Оксфорда и с видимым почтением наблюдает за опытом. По завершении его профессор говорит старому арабу: «Учитель, благодарю вас, что вы позволили профану увидеть то, что можно ему показать из тайн святейшей алхимии».

* * *

На этом закончим наш краткий экскурс в историю алхи-

мических теорий. Надеюсь, этот небольшой очерк пробудит у читателя желание глубже вникнуть в суть дела; но предварительное знакомство было необходимо, чтобы перейти к более подробному описанию главнейших и исторически достоверных трансмутаций металлов.

Можно ли сделать из этого введения какие-то определенные выводы? Я так не думаю. В 1856 году Луи Фигье говорил: «При нынешнем состоянии химии мы не смеем считать факт трансмутации металлов невозможным; из недавних научных открытий и очевидного прогресса химии следует, что превращение одного металла в другой может быть осуществлено. С другой стороны, история показывает, что вплоть до сегодняшнего дня ни одному человеку не удалось осуществить трансмутацию металлов».

Теперь мы не сомневаемся, что трансмутация возможна, и остается решить один вопрос: действительно ли алхимики былых времен могли реализовать ее другими, отличными от современных средствами?

Ответ на этот вопрос и должен в конечном счете определить наше отношение к герметическому искусству. Либо мы окончательно уверимся, что некоторые адепты умели преобразовывать ртуть и свинец в золото – в таком случае алхимия получит значение истинной науки и нам придется пересмотреть наши прежние понятия. Либо уверенность такую обрести нельзя, и тогда герметические теории останутся примером древних суеверий.

Но как получить достоверные доказательства, если современные адепты скрываются и в отличие от прошлых веков не стремятся к публичным демонстрациям своих достижений?

В поисках ответа на этот вопрос я стал изучать документы и трактаты, в которых описываются конкретные случаи трансмутации металлов. Я заранее решил, что позитивное заключение возможно лишь в том случае, если за опытом наблюдали заслуживающие доверия свидетели – например ученые того времени.

Итак, я приглашаю вас последовать за мной в моем расследовании, где мы рассмотрим биографии самых известных адептов, причем расследование наше будет чисто «материалистическим»: оставив в стороне все проблемы духовного порядка, мы устремим все наше внимание только на *золото*.

Книга вторая. Алхимики

Три выпускника университета Монпелье в XIII веке

Удачные трансмутации металлов приписывались уже великим адептам античности и первых веков христианской эры, однако удаленность во времени не позволяет проверить их подлинность и отделить легенду от исторических фактов. Поэтому я решил начать свое исследование с трех величайших алхимиков, учившихся в университете Монпелье. Он был основан в 1181 году и стал, благодаря царившей в нем необыкновенной свободе духа, которой могли бы позавидовать нынешние факультеты, на-стоящим питомником ярко выраженных талантов.

Среди студентов этого университета были такие выдающиеся люди, как Альберт Великий, Роджер Бэкон, Арнальдо де Виланова, Раймунд Луллий в XIII веке, а позднее – Мишель де Нотр-Дам²⁷ (более известный под именем Нострадамуса), Рабле²⁸ и Эразм²⁹. Разумеется, алхимия не фигуриро-

²⁷ Французский врач и астролог (1503–1566). – *Прим. ред.*

²⁸ Рабле Франсуа (1494–1553) – французский писатель. – *Прим. ред.*

²⁹ Эразм Роттердамский, Дезидерий (1469–1536) – гуманист эпохи Возрождения, философ, писатель. *Прим. ред.*

вала в официальной программе обучения, но большим влиянием здесь пользовались арабские и еврейские врачи, глубоко проникшие в тайны герметической философии, и это дает основание предполагать, что в лекциях не были забыты и алхимические аспекты. Как бы то ни было, мэтр Альберт, Роджер Бэкон, Луллий и Арнальдо де Виланова стали не последними среди величайших герметических философов. О том, увлекался ли алхимией Франсуа Рабле, нам известно немного; но несомненно, что некоторые главы книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» представляют собой аллегорическое изложение алхимического Великого Деяния. Что касается Нострадамуса, самого прославленного пророка всех времен, то он никогда не скрывал своего интереса к герметическому искусству. Одним словом, не приходится сомневаться, что в этом университете существовала алхимическая школа; поэтому будет весьма любопытно исследовать жизнь трех выдающихся адептов, которые в разное время учились в стенах Монпелье.

Альберт Великий

Мэтр Альберт родился в 1193 году в Лауингене в богатой семье. В первые годы учебы его успехи были довольно скромными, никак не давали оснований предположить, что он станет величайшим ученым своего времени. Для объяснения этой аномалии ссылались на чудо, случившееся после

вступления Альберта в орден доминиканцев. Молодому монаху будто бы явилась Дева Мария и спросила, в какой науке он желал бы преуспеть. Юноша выбрал философию, и Мария обещала поддержать его на этой стезе, выразив, однако, сожаление, что он не отдал предпочтение теологии и по этой причине в конце дней своих понесет наказание: станет таким же недалеким, как в ранней молодости.

Как бы там ни было, Альберт вел в Павии образ жизни студента из богатой семьи, пока не познакомился с монахом-проповедником, который уговорил его вступить в орден святого Доминика, в ту эпоху весьма могущественный, и в тишине и спокойствии посвятить себя наукам. Действительно, тогда, среди бесконечных войн, монастыри были единственными надежными убежищами, где культура могла развиваться без помех.

Так что мэтр Альберт стал доминиканцем, но получил значительные послабления в соблюдении орденского устава. Чтобы он мог заниматься своими исследованиями, ему позволили до самой смерти пользоваться принадлежавшим ему состоянием, что для тех времен было делом неслыханным.

Проведя несколько лет в Кельне, Альберт Великий в 1145 году определяется в Париж, чтобы получить заветное звание *магистра*, присваиваемое тамошним университетом. Для этого необходимо было три года успешно преподавать в университете. Первые его лекции стали подлинным триумфом: аудиторию, где он читал, студенты брали штурмом, так что

пришлось искать для него более просторное помещение. А поскольку в университете не оказалось залов, куда могли бы вместиться все желающие, мэтр Альберт вынужден был проводить свои занятия под открытым небом, на площади. Эта площадь сохранила его имя: ведь название Мобер (Maubert) означает не что иное, как мэтр Альберт (maitre Albert).

Альберт Великий проявлял интерес не только к философии, он был универсальным ученым. Кроме всего прочего, он оставил работы по неорганической химии, далеко обогнавшие уровень той эпохи. Разумеется, занимался он и алхимией. До нас дошло пять алхимических трактатов, подписанных его именем; среди них самый знаменитый – «Об алхимии» («*De Alchimia*»). Ему приписывают также два небольших учебника по магии: «Изумительные тайны Великого и Малого Альберта» («*Les admirables secrets du Grand et du Petit Albert*»). Его научный авторитет был настолько высок, что долгое время никому и в голову не приходило сомневаться, что все эти столь разнообразные сочинения принадлежат ему. Лишь много позже было замечено, что, например, в «Малом Альберте» приводятся цитаты из Парацельса и Василия Валентина, которые родились два столетия спустя после него, вследствие чего более решительные критики пришли к выводу, что эти практические руководства по магии являются апокрифами. Наконец, в начале XX века, после того как мэтр Альберт был канонизирован церковью, стали утверждать, будто все приписываемые ему герметиче-

ские трактаты являются мистификацией. В наши дни никто не сомневается, что мэтр Альберт был алхимиком, однако вопрос об авторстве трактатов гораздо более сложен. Судя по всему, перу мэтра Альберта принадлежит сочинение «Об алхимии», или, во всяком случае, оно было написано под его руководством. И почти наверняка можно утверждать, что он не имеет никакого отношения к прочим трактатам. Правда, в результате исследований, проведенных профессорами одного из больших американских университетов, обнаружилась вещь не менее поразительная: было неопровержимо доказано, что по крайней мере часть «Изумительных тайн Великого Альберта» была действительно написана монахом доминиканского ордена! Это открытие повергло заокеанских ученых в подлинное смятение, и они пришли к выводу, что Альберт либо сошел с ума, либо вполне сознательно насмеялся над всем миром. Их замешательство еще более усилилось, когда в ходе дальнейших разысканий они заметили, что некоторые неопубликованные рукописи Альберта содержат фрагменты, чрезвычайно напоминающие тексты исследований по народной магии, причем доминиканец, похоже, не делал никакого различия между ними и собственными сочинениями. Простая и одновременно фантастическая истина заключается в следующем: магические писания Альберта, Великого являются алхимическими трактатами, но написаны они в символической форме, которая по сложности своей превосходит все прочие сочинения такого рода.

Вот лишь один пример, взятый из первой главы второй книги «Великого Альберта»: «Первая трава – от Сатурна и называется офодилий. Сок ее очень помогает смягчить и исцелить боли в пояснице и ногах. Дают ее также тем, кого беспокоит мочевой пузырь. Если же слегка обварить корень ее, поможет она от меланхолии и одержимости демонами: больному следует носить обернутый в белую тряпицу корень сей, ибо изгоняет он коварных духов из любого обиталища». Этот, на первый взгляд совершенно бессмысленный текст обретает значимость, как только ты поймешь, что здесь излагается алхимический рецепт, где идет речь о Сатурне, то есть о свинце, а обваривание корня означает извлечение металлического корня металла посредством варки с целью сотворения Белого Деяния, которое символически зашифровано под тряпицей того же цвета. Фактически в этом якобы магическом рецепте описывается всего лишь один из этапов магистерии.

Фома Аквинский – один из будущих святых католической церкви – становится с 1244 года любимым учеником Альберта Великого, который приобщил его не только к наукам, преподаваемым открыто, но и к алхимии, поскольку в нашем распоряжении имеется несколько герметических трактатов, написанных Фомой Аквинским. Кстати говоря, в одном из своих сочинений³⁰ Фома задается вопросом, законно ли использование алхимического золота, и приходит к выво-

³⁰ Сумма теологии.

ду, что нет никаких оснований отдавать предпочтение природному золоту, из чего можно заключить, что он действительно присутствовал при трансмутациях, осуществленных Альбертом. Оба они увлекались также созданием роботов, чрезвычайно модных в ту эпоху. Говорили, будто им удалось построить говорящую голову, которая даже отвечала на вопросы³¹; однажды в этой голове что-то сломалось, и ее непрерывное бормотание настолько вывело из себя Фому Аквинского, что он в приступе бешенства разбил ее тростью. Этот анекдот, проникший даже на страницы «Большого Ларусса», лишен всяких оснований. Рассказывать его начали лишь в XVIII веке, причем это либо пустая выдумка, либо следствие неправильного истолкования одного из алхимических текстов Альберта, где говорится об отрезанной голове, которая означает не что иное, как одно из состояний первичной материи в процессе магистерии – *caput mortuum*³².

Зато другой чудесный факт из жизни Альберта Велико-го, который обычно считают легендой, скорее всего является подлинным. Речь идет о торжественном обеде в честь императора Вильгельма, когда в 1249 году Альберт принимал его в своем кельнском монастыре. Об этом случае рассказывается в нескольких сочинениях, самое раннее из которых относится к 1320 году, – в нем отражены все примечатель-

³¹ Эту историю часто связывают с алхимиком Гербертом, который стал папой под именем Сильвестра II.

³² Мертвая голова (лат.).

ные события местного масштаба за период с 1248 по 1316 год. Еще одна версия принадлежит Иоганну Бека, который в 1346 году издал мемуары, повествующие о происшествиях примерно того же времени и? в частности, о чудесах, сопровождавших упомянутый выше обед.

Вот как излагает эту историю Иоганн Бека:

«Приближался праздник Богоявления, и король Вильгельм прибыл в Кельн, дабы присутствовать на торжественной мессе в честь волхвов. В те времена преподавал там Альберт Великий из ордена братьев-проповедников, чрезвычайно сведущий в некромантии, еще более в философии, а пуще всего в теологии. Будучи приглашен королем, отведал он яств с его стола, а прощаясь, настоятельно попросил короля оказать ему честь и отобедать с ним в монастыре его в день Богоявления. Король, жаждущий увидеть какое-нибудь чудо, охотно согласился. В сказанный день, по завершении торжественной мессы, король со свитой своей отправился в монастырь проповедников, где Альберт принял его с подобающим почетом и повел в монастырский сад. Там король увидел слуг, которые выносили все необходимое для пиршества, то есть столы и стулья. Но стояли тогда жестокие морозы, и земля покрыта была снегом, так что люди из королевской свиты поначалу сильно вознегодовали против хозяина, в столь холодную погоду пригласившего гостей своих в сад, где нельзя было растопить камины.

Когда Альберт занял место рядом с королем за отдель-

ным столиком, как и подобало для достоинства его, приглашенные с ворчанием расселись, ожидая подачи блюд. Внезапно снежный покров испарился, под лучами жаркого солнца пробилась зеленая трава и появились прекрасные цветы несравненной свежести, а ветви деревьев прогнулись под тяжестью плодов. Множество самых разнообразных птиц слетелось туда, чаруя гостей песнями своими и пестрым оперением – словно бы уже наступил июнь. Действительно, вскоре от зимнего холода не осталось и следа, стало так жарко, что многим пришлось снять с себя верхнюю одежду и удалиться в тень. Прислуживали гостям юноши столь дивной красоты, что никто из присутствующих не мог усомниться в их неземном происхождении; они беспрерывно подносили закуски и разнообразные напитки, делая сие с невероятным изяществом, благолепием и достоинством. Все любовались ими, не без некоторого, однако же, страха, хотя и воздавали должное блюдам, которые появлялись неизвестно откуда. Пиршество длилось более часа; затем слуги, убрав согласно обычаю столы, внезапно исчезли, вслед за тем умолкли птицы, увяла зелень деревьев и травы, померкла радость душевная и кончилось наслаждение для глаз. Вновь появился снежный покров и ударил мороз, так что все поспешно натянули на себя отложенную в сторону верхнюю одежду и устремились в жарко натопленные комнаты. Король Вильгельм во всеуслышание провозгласил Альберта величайшим ученым среди смертных и даровал ему близлежащие земельные уго-

дья вкупе с правом собирать налоги в городе Утрехте».

В 1260 году Альберт был назначен епископом Регенсбурга, но занимал этот пост всего два года, поскольку терпеть не мог официальные должности. Он проповедует затем в Баварии, Вюрцбурге и Кельне. 7 марта 1274 года в одном из итальянских монастырей умирает Фома Аквинский, и в то же самое мгновение Альберт Великий, находившийся тогда в Кельне, с рыданиями возвещает об этой смерти другим монахам. Это отнюдь не легенда, а подтвержденный многими свидетельствами факт.

В том же году он принимает участие в Лионском соборе, а в 1276 году становится папским нунцием в Польше. Год спустя, невзирая на свои восемьдесят лет, он без колебаний отправляется в Париж, чтобы защитить память Фомы Аквинского, на некоторые сочинения которого обрушился с нападениями университет этого города.

В 1279 году Альберт теряет память и до конца жизни затворяется в монашеской келье. Когда епископ Кельнский пожелал навестить его, он ответил из-за запертой двери: «Альберта здесь больше нет».

15 ноября 1280 года он умер, и все жители города, облачившись в траурные одежды, торжественно проводили его в последний путь. Сразу же после смерти его стали почитать как святого, хотя некоторые враги обвиняли его в колдовстве и издевательски напоминали о постигшем его перед кончиной слабоумии: «Монсеньор Альберт сначала преобразился

из осла в философа, затем из философа в осла». Но люди проникались к нему все большим благоговением, и на могиле его происходили чудеса. В 1637 году Рим официально признал его Блаженным, а в 1931 году он был канонизирован папой Пием XI. Наконец в 1941 году папа Пий XII провозгласил его патроном всех наук и христианских ученых.

Кроме свидетельства Фомы Аквинского³³ у нас нет убедительных подтверждений того, что Альберт Великий успешно осуществил трансмутацию металлов, поэтому я вынужден считать первую фазу своего расследования сугубо негативной. Но прежде чем перейти к изучению жизни Арнальдо де Виланова, я позволю себе привести здесь знаменитые советы Альберта Великого, которые даются им в трактате «Об алхимии» и вплоть до сегодняшнего дня сохраняют ценность для всех герметических философов:

«1. Да будет алхимик скромн и молчалив; да не раскроет он тайну опытов своих никому.

Да живет он вдали от людей, в собственном доме, где две или три комнаты должны быть отведены для опытов его.

³³ Еще одно доказательство того, что Альберту Великому действительно удалось убедить Фому Аквинского в реальности алхимии, можно найти в недавно опубликованном трактате великого теолога «Занимающаяся заря» («*Aurora Consurgens*»). Немецкое и английское издания с комментариями Марии-Луизы фон Франц вышли в 1965 году. В этом сочинении Фома Аквинский анализирует проблему противоположностей в алхимии и приходит к крайне неутешительному выводу относительно своих теологических трудов. Он признает, что избрал неверную дорогу, поскольку истинным путем славы Господней является алхимическое искусство.

Да определит он со всем тщанием время и часы работы своей.

Да будет он терпелив, усерден и настойчив.

Да совершит он, в согласии с правилами искусства, растирание, сублимацию(возгонку), закрепление, прокаливание, растворение, дистилляцию(перегонку) и закрепление.

Да не пользуется он иными сосудами, кроме как из стекла или глазурованной глины, дабы избежать воздействия кислот.

Да будет он достаточно богат, чтобы оплатить расходы, кои потребуют опыты его.

Да избегнет он всяких близких отношений с принцами и вельможами. Ибо поначалу станут они торопить его в работе, в случае же неудачи ожидают его жесточайшие пытки, тогда как награда за успех будет ему темница».

Арнальдо де Виланова

«Сим начинается «Путь Пути», трактат краткий, сжатый, лаконичный, полезный тому, кто понять его не сумеет. Умудренные исследователи обретут здесь часть растительного камня, который другие философы скрывали с великим тщанием». Так изъясняется мэтр Арнальдо в небольшом сочинении поднесенном папе Бенедикту XI в год 1303 от Рождества Христова.

Это лишь один из оставленных им многочисленных ал-

химических трудов, среди которых выделяется прославленный трактат «Великие четки» («Grand Rosaire»). Арнальдо де Виланова родился между 1235 и 1245 годами – наиболее достоверным представляется 1240 год. Сначала он изучал классические науки в Экс-ан-Провансе, потом – медицину в Монпелье, завершил же свое образование в Сорбонне. Высказывалось предположение, что он слушал лекции Альберта Великого, но при сопоставлении дат это выглядит по меньшей мере маловероятным. Зато весьма вероятно, что там он познакомился с британским монахом Роджером Бэконом, автором «Зеркала алхимии» («Miroir d'Alquimie»), поскольку в их сочинениях имеется немало общего. Именно через Бэкона мог Арнальдо познакомиться и с Альбертом Великим, которого английский алхимик хорошо знал. Говорят, впрочем, что Виланова сильно завидовал Альберту, так как монашеский орден, в котором состоял Виланова, не желал оплачивать алхимические исследования, тогда как мэтр Альберт не встречал в финансировании своих опытов никаких препон.

По окончании учебы Арнальдо де Виланова объездил всю Европу, став вскоре, очень модным и щедро оплачиваемым врачом. Из-за своих необычных методов и вольных разговоров он часто подвергался преследованиям со стороны местных церковных властей. Вот как объясняет это Рене Маркар: «Очевидно, что обвинения в постоянных сношениях с дьяволом имели под собой некоторые основания, поскольку

ку при лечении использовались странные микстуры, амулеты, гипноз и магия. Мэтр отвечал на это, что влияние врача на больного является фактором первостепенной важности, так как способствует исцелению, поэтому нужно прибегать к любым средствам, чтобы сделать его подавляющим». Итак, мы имеем дело с человеком очень незаурядным, чья жизнь сильно отличалась от размеренного, полностью посвященного науке и религии существования, которое вели такие люди, как Альберт Великий, Роджер Бэкон или Фома Аквинский. Мэтр Арнальдо – предвестник Парацельса и шарлатана Калиостро.

Вернувшись в Париж, чтобы преподавать в университете, Арнальдо де Виланова стал произносить столь смелые речи, что трибунал святой инквизиции всполошился. Так, адепт во всеуслышание провозглашал, что милосердие должно цениться выше молитвы, а папские буллы, будучи написаны человеком, никак не могут считаться непогрешимы ми, или по крайней мере «непогрешимость их вполне сравнима с точностью его собственных диагнозов»! Сегодня мы знаем, какие ожесточенные споры вызывает в католической церкви проблема непогрешимости папы, поэтому легко представить ярость церковных властей XIII века, столкнувшихся с подобным вольномыслием... В результате врачу-алхимику пришлось спешно покинуть Францию и возобновить свои странствия по Европе. Судя по всему, ему удалось обрести благосклонность верховного понтифика, папы Климента V,

который страдал от почечных колик и призвал его к себе; но тут Арнальдо де Виланова внезапно скончался в море, недалеко от гонуэзского побережья.

Его смерть не успокоила инквизицию, которая решила устроить над ним процесс, и в 1317 году, то есть спустя четыре года после кончины, он был осужден, а большая часть его сочинений была изъята и предана сожжению. Этим объясняется тот факт, что наряду с главными произведениями Арнальдо имеется лишь несколько небольших и очень невнятных трактатов, подписанных его именем, но вряд ли созданных им. Вероятно, некие суфлеры, пользуясь тем, что в то время нельзя было с уверенностью сказать, какие именно сочинения мэтра Арнальдо сохранились, выдавали свою галиматью за творение его рук. Разумеется, противники алхимии не преминули сделать из этого вывод, что апокрифическим является все наследие Арнальдо.

Из числа этих небольших трактатов, чье авторство остается сомнительным, я все же выделю один, не лишенный мысли. Речь идет о рукописи, которую обнаружил Пуарье в XVI веке. Если судить по почерку, текст этот принадлежит Арнальдо де Виланове, и речь в нем идет о проблемах омоложения, с которыми сталкиваются люди, прожившие несколько веков! Вот какой рецепт предлагает им наш философ: «Желающий продлить жизнь свою должен два или три раза в неделю растираться соком кассии. Каждую ночь перед сном должен он класть себе на голову компресс, состоящий из во-

сточного шафрана, лепестков красной розы, эссенции сандалового дерева, сока алоэ и амбры, причем все это следует растворить в розовом масле, добавив немного воска. Утром нужно снять компресс и поместить его в свинцовую шкатулку до наступления следующей ночи, когда он будет использован вновь».

Если говорить только об алхимии, то Арнальдо де Виланова считается одним из тех адептов, которые действительно сумели создать философский камень. Судя по трактату «Великие четки», это предположение выглядит оправданным, однако в доказательство мы не можем привести ни одного исторического факта. У нас имеется только его собственное утверждение о том, что ему удалось осуществить магистерию, преобразовав свинец в золото. Для беспристрастного и строгого расследования этого недостаточно. Итак, получив отрицательный ответ и во втором пункте³⁴, я с надеждой обращаю взор на Раймунда Луллия, прославленного *докто-*

³⁴ Когда первое издание этой книги уже вышло в свет, я обнаружил упоминание о трансмутации, которую Арнальдо де Виланова будто бы осуществил перед римской курией. Вот что говорится об этом в книге Михаэля Майера «Символы золотого стола» («*Symbola aureae mensae*»): «Каноник Джованни Андреа, когда зашла речь о мэтре Арнальдо, сказал следующее: «При жизни нашей принимали мы в римской курии мэтра Арнальдо де Виланова, величайшего лекаря и теолога, с коим обсуждал я предписания поста. Он сверх того был великим алхимиком и сотворил бруски золота, каковые без труда выдержали – все испытания». Другие, ссылаясь на того же Андреа, добавляют, что золотые бруски, отлитые Арнальдо, не уступали по качеству золоту из рудников Аруццо, о чем говорит, кстати, и Джованни Франческо Мирандоле в первой главе третьей книги своего трактата «О золоте» («*De auro*»).

ра-ясновидца с острова Мальорка.

Раймунд Луллий

В истории алхимии – истории не письменной, но гораздо более надежной, устной, которая всегда передавалась адептами «поклонникам науки», – Раймунд Луллий считается одним из величайших алхимиков всех времен; сравниться с ним могут только Василий Валентин и Эйреней Филалет. Это мнение опиралось не на более или менее апокрифические документы и не на сомнительные исторические сведения, а на точные знания, прошедшие сквозь века. Вот почему так неприятно слышать и читать в новейших трудах утверждения, будто *доктор-ясновидец* за всю свою жизнь не написал ни единого алхимического трактата и якобы даже понятия не имел о самой алхимии. Постараемся же разобраться в этом, прежде чем перейти к его жизни.

Вот какие доводы приводят современные историки, чтобы оспорить авторство алхимических сочинений Раймунда Луллия. Прежде всего, в 1311 году он издал нечто вроде автобиографии, в которой приведен исчерпывающий список его опубликованных трудов. Там действительно не упомянуто ни одного алхимического трактата, однако это ни о чем не говорит: я уже указывал, что Луллий – несомненно, по причинам религиозного характера – предпочел выпустить свои герметические труды посмертно. Все рукописи были созда-

ны, когда Луллий был жив, во многих из них имеются исторические аллюзии, а также посвящения государям, которые царствовали во время его земного существования. Но историков наших это лишь укрепляет в их мнении! Они твердят, что все трактаты являются апокрифами, а исторические указания внесены специально, чтобы приписать авторство Луллию. Вот что говорит, например, В.Ганценмюллер в книге, которую я уже цитировал: «Фальшивки отличаются от подлинников особым усердием составителей. Обычно трактат просто подписывали тем или иным знаменитым именем, но в данном случае сочли необходимым даже имитировать стиль Луллия. В «Великом Искусстве» («*Ars Magna*»), самом значительном из его сочинений, в научный оборот было введено понятие о буквах как символах идеи или тела... И все это мы находим в многочисленных трудах, которые без всяких оснований приписывались Луллию; там же встречаются излюбленные им обороты речи и выражения. Апокрифы эти выглядят единообразны ми, и это впечатление еще более усиливается из-за постоянных перекрестных отсылок. Порой воспроизводятся даже первые слова цитируемых глав».

Забавно, что наши эрудиты не замечают противоречия, в которое они впадают: сочинения Луллия столь очевидно принадлежат ему, что именно это обстоятельство и делает их авторство сомнительным. Впрочем, Ганценмюллер, сам того не замечая, дает ответ на этот надуманный вопрос: «Сомнения возникли и укрепились в церковных кругах: действи-

тельно, алхимическая деятельность Луллия никак не соответствовала почитаемому образу мученика за веру». Итак, если не найдется более убедительных доказательств, я буду считать *доктора-ясновидца* автором тех сочинений, которые подписаны его именем.

Раймунд Луллий родился в 1233 или 1235 году в Пальме на острове Мальорка, в знатной и богатой семье. Отец готовил его для военной карьеры, но всю свою юность тот посвятил любовным приключениям. Даже женившись и став отцом семейства, он не перестал волочиться за красивыми девушками, а примерно к тридцати годам воспылал подлинной страстью к живущей в Пальме даме из Генуи – сеньоре Амбросии де Каетелло.

Амбросия была замужем, и этой умной женщине чрезвычайно досаждали экстравагантные выходки красавца Раймунда, желавшего доказать ей свою любовь. Однажды он въехал на лошади в собор, чтобы положить к ее ногам сочиненный им мадригал, и возмущенные верующие силой выставили его. Тогда она согласилась увидеться с ним наедине и назначила свидание в собственной спальне.

Луллий был убежден, что наконец-то покорила ее, поэтому на встречу отправился в том радужном настроении, какое испытывает любой юноша в предвкушении долгожданной победы. Однако Амбросия встретила его очень холодно и спросила, не желает ли он полюбоваться грудью, которую неоднократно воспевал в своих стихах. Удивленный этим

предложением, Луллий ответил, что у него нет более заветного желания. Молодая женщина, распустив корсаж, показала ему изъеденную раком грудь со словами: «Смотри, Раймунд, смотри, сколь уродливо это тело, возбудившее твою страсть. Ну лучше ли было бы тебе возлюбить Иисуса Христа, от которого ты можешь ждать вечной награды?»

Это происшествие вызвало у Луллия нервное потрясение. Домой он вернулся в крайне подавленном состоянии духа. Почти никуда не выходя в течение нескольких дней, он пытался сочинять лирические стихи во славу любви, именно тогда ему было видение распятого Христа. Отмахнувшись от него, он вновь обратился к стихам, но то же самое видение повторилось еще четыре раза. Проведя бессонную ночь, терзаясь стыдом и угрызениями совести, терзаясь стыдом и угрызениями совести, он устремился в исповедальную и поклялся, что отныне посвятит жизнь свою прославлению Господа и обращению неверных в христианство.

Раймунд Луллий рассказывает, что после этого, чтобы получить подтверждение, что выбор сделан им правильно, он совершил паломничество в Сантьяго де Компостелло. Было ли это реальным путешествием? Или речь идет об инициации? Воздержимся пока от ответа, поскольку в следующей главе у нас будет повод заняться им в связи с Никола Фламельем. Как бы то ни было, по возвращении на Мальорку доктор-ясновидец поднялся на гору Ранда, одну из самых высоких на острове. Здесь, после многих дней поста и молитвы,

на него снизошел посланный Господом свет: ему было даровано великое искусство – Ars Magna – обращения неверных на истинный путь христианской веры. Согласно легенде, на ветвях растущего там мастикового дерева появились вдруг бесчисленные буквы из самых разных алфавитов: это были языки, на которых предстояло ему нести Ars Magna в мир. Луллий тут же принялся изучать их, особое внимание уделив арабскому, поскольку он рассчитывал обратить в христианскую веру жителей Северной Африки. Он очень быстро овладел и французским, чтобы поехать учиться в Сорбонну.

Именно в этом прославленном университете он вступил в открытое столкновение с Дунсом Скоттом который, после грандиозного успеха в Оксфорде, читал здесь курс лекций. Слушая его выступление, Раймунд Луллий сопровождал каждую фразу лектора жестами, выразившими неодобрение и несогласие, что наконец привело британского лектора в крайнее раздражение. Желая высмеять оппонента, Скотт прервал свою речь и задал Луллию вопрос из числа самых обыкновенных: «Какой частью слова является Господь?». Луллий ответил на это: «Господь не может быть частью, ибо он есть все». Не ограничившись этим, Луллий окончательно посрамил несчастного Скотта, произнеся бесконечную страстную тираду во славу совершенства Бога. В конечном счете ему было предложено почетное место преподавателя Сорбонны, хотя у него не было никаких университетских званий, отношения же его с Дунсом Скоттом нала-

дились до такой степени, что они расстались лучшими друзьями.

Затем Раймунд Луллий отправился в Монпелье и стал учеником Арнальдо де Вилановы, который около 1289 года приобщил его к алхимии. Однако Луллий не забывал своих планов обратиться в христианскую веру арабский мир и вскоре отплыл с этой целью в Тунис, где был приговорен местным беєм к смерти. К счастью, один образованный мусульманин, близкий друг верховного правителя, отменил казнь после того, как побеседовал с *доктором-ясновидцем* и убедился, что имеет дело с человеком необыкновенных познаний. Луллий был выслан из страны, едва спасшись от разъяренной толпы, которая хотела побить его камнями. Добравшись до Неаполя, он застал там Арнальдо де Виланову и вместе с ним вновь занялся алхимическими опытами» Потом он путешествовал по Европе; следы его пребывания можно обнаружить в Испании, Палестине, Алжире, Вене и, наконец, в Англии.

Во многих хрониках зафиксировано, что в Лондоне он произвел блистательную трансмутацию металлов: произошло это, скорее всего, в Тауэре, где ему будто бы удалось по просьбе короля Эдуарда III отлить золотых слитков общей стоимостью на шесть миллионов. Это утверждение не соответствует или не во всем соответствует истине: Эдуард III вступил на престол только в 1327 году, а Луллий умер в 1315-м. Но ранее трон занимали Эдуард I и Эдуард II,

поэтому можно предположить, что *доктор-ясновидец* произвел свою алхимическую операцию перед кем-то из них. Этот факт засвидетельствован в одном из сочинений Раймунда Луллия: в трактате «О трансмутации духа металлов» («*De transmutatione animae metallorum*») он прямо говорит, что приехал в Англию по приглашению короля. Самой вероятной датой приезда представляется 1312 год, следовательно, речь идет об Эдуарде II. Тот действительно нуждался в деньгах для крестовых походов, однако недавние исследования надежных исторических источников показали, что король получил золото от Луллия не благодаря герметическим опытам, а воспользовавшись его советом обложить новым налогом торговлю шерстью!

Впрочем, это отнюдь не означает, что Луллий не способен был осуществить трансмутацию того или иного металла в золото; но следует твердо помнить, что истинный алхимик *никогда* не унизил бы свое искусство такой целью, как обогащение монарха. Словом, я склонен принять версию насчет налога – не столь яркую, но гораздо более достоверную. После визита в Лондон Луллий вернулся в Африку, и в городе Бужи его опять закидали камнями, после чего его подобрала генуэзские матросы, и на борту корабля в возрасте восьмидесяти лет он скончался.

Чтобы завершить это исследование и дать читателю представление о стиле *доктора-ясновидца*, я процитирую первый параграф его трактата «Ключ» («*Claygsule*»): «Мы на-

звали труд сей – «*Ключ*», ибо нельзя без него понять прочие наши книги, совокупность которых обнимает искусство во всей полноте, поскольку слова наши для непосвященных темны. Я написал много обширных трактатов, но сделал их разделенными и темными, как это можно увидеть по «*Завещанию*», где говорю я о принципах природы и обо всем, что имеет отношение к искусству, однако же текст сей был обработан молотом философии».

Кстати, именно в «*Завещании*» («*Testament*»), которое упоминает здесь Луллий, говорится о произведенной им трансмутации в золото пятидесяти фунтов ртути и свинца. Но в очередной раз мы не имеем никаких доказательств, подтверждающих этот факт. О реальности трансмутаций, произведенных Луллием, могло бы свидетельствовать золото, которое он будто бы создал в лондонском Тауэре; однако мы уже убедились, что полученные королем деньги появились не благодаря герметическому искусству, а благодаря политике, к которой, увы, правительства всех стран охотно прибегают в любые времена. Итак, я не могу в данном случае дать позитивный ответ в пользу философского камня, но впереди нас ждет Никола Фламель – по общему мнению, великий создатель золота. Что ж, надежда еще не потеряна.

Никола Фламель, писарь

Во Франции всегда было много алхимиков, много их и

сегодня. Но никто – даже современный адепт Фюльканелли – не добился такой славы, как Никола Фламель. В многолюдном квартале, окружающем церковь Сен-Жак-ла-Бушери, вплоть до начала XIX века сохранялись живые воспоминания об этом мелком ремесленнике; традиция сохранила даже имя его жены, госпожи Перенеллы. Да и в наши дни в Париже можно обнаружить запечатленные в камне зримые следы его неслыханной щедрости и баснословного состояния.

Что из себя представлял Фламель? Полагают, что родился он около 1330 года, недалеко от Понтуаза, в довольно бедной семье, но ему тем не менее удалось получить неплохое образование. Уже в юном возрасте он будто бы отправился в Париж, чтобы стать писарем. Его мастерская располагалась сначала возле кладбища Невинных младенцев; несколько лет спустя он вместе с собратьями по ремеслу перебрался под своды церкви Сен-Жак-ла-Бушери³⁵. В эти годы он вступил в брак с немолодой женщиной, успевшей дважды овдоветь и обладавшей некоторым достатком. Лишь тогда Фламель сумел завести две мастерские: одну для себя, вторую для своих переписчиков и учеников. Однако это не дает никаких оснований считать его богачом! Такого тесного помещения, где он на протяжении всей жизни занимался своим ремеслом, в наши дни уже не встретишь – напоминают его разве что некоторые лавчонки Латинского квартала, более сходные с

³⁵ Церковь святого Иакова у скотобоен. – *Прим. пер.*

прихожей, чем с магазином. Через несколько лет, благодаря приданому госпожи Перенеллы и ее вошедшей в поговорку бережливости, писарь приобрел небольшой домик, стоящий напротив его мастерской. Это также не означает богатства; существует составленный через несколько лет после свадьбы нотариальный акт, согласно которому супруги завещали друг другу свое имущество – по тем временам чрезвычайно скромное.

Итак, Фламель стал женатым человеком и, заключив весьма разумный брак, получил возможность перейти в разряд мелкой буржуазии. Герметическая философия совершенно его не интересовала, он думал только о том, как бы заняться книготорговлей. Этот новый для него род деятельности и стал причиной знакомства с алхимическими сочинениями, которые он либо продавал, либо брал на переписку; – с этим и связан знаменитый сон, послуживший отправной точкой для его карьеры адепта. Об этом сне позднее расскажет он сам. Ему явился ангел, державший в руках книгу в медной обложке, и, показав форзац, произнес: «Фламель, посмотри внимательно на эту книгу, ты в ней ничего не понимаешь, как и многие другие, но в один прекрасный день ты увидишь то, что никто не смог бы разглядеть». Потом видение исчезло, но память об этом необыкновенном сне писарь сохранил на долгие годы,

Воспоминание внезапно обрело плоть, когда Фламелью попала в руки очередная алхимическая книга. Вот как он

описывает это в своем труде «Толкование иероглифических знаков» («*Explication des figures hieroglyphiques*»): «Тогда я, Никола Фламель, писарь, после кончины родителей моих зарабатывающий себе на пропитание искусным почерком моим, а также составлением; описей и счетов между опекунами и несовершеннолетними, за два флорина приобрел книгу весьма древнюю и изрядно большую. Была она не из бумаги и не из пергамена, подобно другим, а из коры (как показалось мне) молодых деревьев. Обложка ее была из гладкой меди, украшенной всяческими символами, буквами и странными фигурами, и я решил, что это, должно быть, буквы греческие или какого-то иного древнего языка. Я не мог прочесть их, но уверен, что это были буквы не латинские и не галльские, в коих мы кое-что смыслим. Внутри же листочки из коры были с великим тщанием исписаны кончиком железного пера; это были прекрасные, весьма четкие, ярко раскрашенные латинские буквы.

В ней было три раза по семь листов: так они были обозначены цифрами в верхнем углу, причем седьмой всегда был не с буквами, а с рисунком. На каждом первом листе изображались плеть и проглатывающие друг друга змеи; на втором – крест с распятой на нем змеей; на последнем, седьмом – пустыня, посреди которой было несколько прекрасных источников, откуда в разные стороны расползались змеи. На первом листке было написано заглавными золотыми буквами: «АВРААМ ЕВРЕЙ, КНЯЗЬ, СВЯЩЕННИК,

ЛЕВИТ, АСТРОЛОГ И ФИЛОСОФ, ПРИВЕТСТВУЕТ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД, БОЖЬИМ ГНЕВОМ РАССЕЯННЫЙ СРЕДИ ГАЛЛОВ».

Затем следовали всяческие поношения и проклятия (со словом MARANATHA, которое часто повторялось) в адрес любого, кто кинет на книгу сию взгляд, не будучи жрецом или писарем».

По собственному признанию, Никола Фламель мало что понял в прочитанном. На первом листке находилось только приведенное выше заглавие, на втором – обращение к иудеям, третий же был посвящен трансмутации металлов, которая рассматривалась в качестве основного средства уплатить подать, наложенную римскими императорами. Текст, описывающий способ получения философского камня, казался довольно внятным, но в нем ничего не говорилось о том, что такое первичная материя и где ее берут; этим характеризуются все герметические сочинения. Сведения о первичной материи содержались на четвертом и пятом листах, где были изображены очень красивые раскрашенные фигурки без всяких поясняющих надписей. Фламель уточняет, что фигурки эти действительно обозначали искомую первичную материю, но понять их мог бы лишь тот, кто уже освоился в алхимическом искусстве, сам же он в то время не увидел в них никакого смысла.

Я тщательно изучил эти иероглифические символы и должен признать, что не сумел постичь намерений их авторов,

как это было и в случае с «Безмолвной книгой» («*Mutus Liber*»), а также с другими, чисто аллегорическими сочинениями. Даже когда я знаю, что именно символизирует та или иная фигура, мне кажется вполне оправданным использование совсем других символов, поскольку у каждого из них имеется по меньшей мере несколько различных значений.

Что касается текста книги, то нам придется довольствоваться малым, поскольку Фламель проявил на сей счет большую скрытность³⁶ и объяснил это так: «Я умолчу о том, что было написано на прочих листках прекрасным и четким латинским языком, иначе Господь накажет меня; я совершил бы большее злодейство, нежели тот, кто сказал (как утверждают), что ему хотелось бы, чтобы у всех людей мира была одна голова, дабы мог он срубить ее одним ударом».

Став обладателем алхимической книги и исполнившись убеждения, что ему предстоит осуществить вещий сон, Фламель принялся изучать текст и фигурки Авраама Еврея. Это продолжалось многие месяцы, даже годы – без какого бы то ни было намека на продвижение вперед. Впрочем, кое-что изменилось: госпожа Перенелла догадалась, что у мужа появился некий секрет, и тогда Фламель приобщил ее к своим изысканиям, причем она ревностно ему помогала, а от соседей хранила все в тайне. Итак, Фламель, вдохновляемый

³⁶ Возможно, он оставил более подробные указания в небольшом трактате «Химический псалтырь» (“*Psautier chymique*”), который завещал своему племяннику Перье. Текст этот, размещенный на полях молитвенника, написан зашифрованным языком. Сейчас он хранится в одной из парижских библиотек.

женой и свято уверенный в том, что исполняет Божью волю, продолжал свои поиски, но – безрезультатно.

Возникает вопрос: почему писарь, несомненно, знакомый со многими образованными людьми, не стал распространяться о своей находке и не обратился к кому-либо за помощью. На это есть по меньшей мере одно чрезвычайно убедительное объяснение, о котором мы уже упоминали. Дело в том, что как раз в это время алхимия была лишена ореола святости: в 1317 году папа Иоанн XII обрушился на эту науку в булле *Spondent partier*³⁷. Приведем точный ее текст: «Алхимики обманывают нас и обещают то, чего у них нет. Почитают они себя мудрецами, но падают в пропасть, которую приготавливают для других. Смехотворным образом мнят они себя сведущими в алхимии, но доказывают невежество свое тем, что ссылаются на писания древних авторов; не могут обнаружить то, чего древним не удалось открыть, однако же почитают возможным найти сие в будущем. Выдавая поддельным металл за истинные золото и серебро, проносят они при этом слова, которые ничего не означают. Невозможно более сносить дерзость их, ведь сим способом изготавливают они фальшивые монеты и обманывают народ. Мы повелеваем, чтобы все эти люди навсегда покинули наши края равно как и те, кто заказывает таковым золото и серебро, или сговаривается с мошенниками давая им деньги за таковое золото. Дабы наказать их, приказываем мы отобрать

³⁷ «Клянутся равным образом»

у них подлинное золото в пользу бедных, Создающие фальшивое золото или серебро лишены чести. Если у тех, кто преступил закон, недостает средств для уплаты означенного штрафа, наказание может быть заменено другим. Если среди алхимиков найдутся люди церковного звания, пусть не ожидают помилования, ибо будут навсегда лишены сана своего».

Заметим, кстати, что в те времена ни для кого не было секретом, что папа Иоанн XXII сам занимался алхимией: после смерти своей он оставил такие неслыханные богатства, что в их герметическом происхождении никто не усомнился. Кроме того, ему приписывают авторство трактата «Искусство трансмутации» («*Ars transmutatoria*»), однако здесь полной уверенности нет.

Вернемся к Фламелю, который в результате усердного изучения книги Авраама Еврея познал суть магии за исключением одного пункта первостепенной важности, постоянно от него ускользающего. Речь идет о первичной материи. Между тем ангел больше не появлялся и Фламель, вполне справедливо полагая, что предпочтительнее воззвать прямо к Богу, нежели к его святым, обратил к небесам следующую молитву, текст которой приводит Манже в своем «Собрании химических редкостей» («*Bibliotheca Chemica Curiosa*»): «Господь Всемогущий и Вечный, Отец светоносный, от коего исходят все блага и совершенные дары, взываю к безграничному милосердию Твоему, дай мне познать вечную мудрость Твою? окружающую трон Твой, каковая все

создала и все созидает, лежит в основе всего и служит всему защитой. Пошли ее мне из небесного святилища Твоего и от трона славы Твоей, дабы была она во мне и во мне создала, ибо ей подвластны все небесные и тайные искусства, все науки и познание всех вещей. Сделай так, чтобы сопровождала она меня во всех трудах моих, чтобы в дуновении ее обрел я истинный разум и преуспел в благородном искусстве, коему посвятил жизнь; чтобы отыскал чудодейственный камень мудрых, который Ты сокрыл от человечества, но даруешь тем, кто избран Тобой. Пусть Великое Деяние, над которым тружусь я в дольном мире, будет мною успешно начато, продолжено и завершено; и пусть сохраню я великое это счастье навсегда. Молю Тебя именем Иисуса Христа даровать мне Небесный, Краеугольный, Чудодейственный камень, созданный вечностью, которая в сем повелевает и силой Твоей царит».

Но божественное откровение не снизошло на Фламелья – по крайней мере в осязаемой форме. Тогда упавший духом писарь решил показать некоторые из скопированных им фигурок лиценциату медицинских наук, которого звали мэтр Ансельм. Будучи страстным поклонником алхимии, тот пожелал увидеть книгу, откуда были извлечены столь замечательные фигурки, и нашему писарю пришлось всячески изворачиваться (а затем, несомненно, каяться во лжи на исповеди), чтобы уверить собеседника своего в том, будто у него есть только рисунки, без какого бы то ни было пояс-

няющего текста. Мэтр Ансельм понимал в символах Авраама не более Фламеля, однако взял на себя смелость толковать их. И эти объяснения совсем сбили с толку несчастного Фламеля, который рассказывает об этом так: «Вот почему в течение двадцати одного года совершил я тысячу опытов с огнем, но без всякой крови, так как почитаю сие злодейством и низостью. Ибо в книге моей говорится, что философы называют кровью минеральный дух, который имеется во всех металлах, а особенно в солнце, луне и меркурии, к соединению коих я всегда стремился». Кровь поминается здесь по той причине, что мэтр Ансельм, подобно многим суфлерам, путал алхимию с магией, отчего и дал совет смешать жидкую ртуть с чистой кровью новорожденных младенцев. К счастью, Фламель, будучи человеком мудрым и добрым, не поверил в это и полностью отверг преступные рецепты невежественного советчика.

Наконец явилось и откровение – быть может, это действительно был божественный промысел. Фламель понял, что никогда не сможет разобраться с книгой самостоятельно, а потому решил сделать копию и посетить те края, где жили ученые мужи, принадлежавшие к нации Авраама, иными словами, евреи. Тогда в Испании, в частности в окрестностях Сантьяго де Компостелло, было несколько знаменитых синагог. Фламель, естественно, объявил, что намерен отправиться в паломничество.

Итак, мы снова встречаемся с паломничеством к свя-

тому Иакову, которое прежде совершил Раймунд Луллий, а впоследствии также и Василий Валентин, – если верить его собственному утверждению. Здесь стоит прислушаться к словам такого искушенного алхимика, как Фюльканелли. Вот что он пишет в первом томе своих «Философских приютов» («*Demeures philosophales*»): «Подобные аллюзии помогают осознать ошибку многих поклонников оккультных наук, которые буквально толковали чисто аллегорические сочинения, созданные с намерением что-то открыть одним и утаить от других. Даже Альбер Пуассон угодил в эту ловушку. Он поверил, будто Никола Фламель, оставив жену свою Перенеллу, мастерскую и книги с рисованными миниатюрами, действительно исполнил данный перед алтарем приходской церкви Сен-Жак-ла-Бушери обет и отправился в пешее паломничество по иберийским дорогам. Но мы искренно убеждены и готовы в этом ручаться, что Фламель никогда не покидал подвала, где пылали его печи. Любой из тех, кому известно, что именно символизируют посох, калебаса и шнур на шляпе святого Иакова, подтвердит истинность наших слов. Уподобляя себя материалам, которые им использовались и избрав внутренний агент в качестве образца великий адепт соблюдал правила философской дисциплины и следовал в этом своим предшественникам».

Фюльканелли хочет сказать, что в рассказе Фламеля о паломничестве речь на самом деле идет о первичной материи, а в пережитых им приключениях аллегорически изображают-

ся различные манипуляции с этой материей в процессе магистерии. В легендарной версии V путешествия в Галисию один факт выделен с особой четкостью: по исполнению своего обета в Сантьяго де Компостелло Никола Фламель на обратном пути будто бы заболел и вынужден был задержаться в городе Леоне. По совету одного торговца из Болоньи он обратился за помощью к еврейскому врачу, мэтру Канчесу. В беседе тот обнаружил такие познания в еврейской каббале, что Фламель показал ему фигурки из своей книги. Тогда врач якобы воскликнул, что это сочинение раввина Авраама «Аш Мезареф» («*Asch Mesareph*»), которое считали утраченным безвозвратно, – и предложил Фламелю сопровождать его в Париж. Но добрались они только до Орлеана, где мэтр Канчес внезапно скончался, так и не открыв Фламелю врата познания. Эта аллегория представляет собой довольно прозрачное описание гибели первичной материи, что является необходимым отправным пунктом для реализации философской магистерии.

Я не разделяю уверенности Фюльканелли в том, что Фламель никогда не покидал своих печей. Вместе с тем это паломничество к святому Иакову вполне можно толковать как своеобразную инициацию: писарю в течение многих лет не удавалось раскрыть тайну первичной материи, и весьма вероятно, что его направил на истинный путь другой адепт, скрывающийся под именем мэтра Канчеса, – настоящее его имя осталось нам неизвестным. В таком случае «путеше-

ствие» предупреждает о необходимости инициации, а также является собой аллегорический *modus operandi*.

Итак, Никола Фламель получил наконец недостающие ему знания, открыв, в частности, тайну пресловутой первичной материи. И вновь приступил к работе, но сумел завершить ее только через три года после возвращения из «паломничества». Как мы убедимся в последнем разделе этой книги, три года – это и есть нормальная продолжительность магистерии, – если используется влажный путь, – поэтому указанное Фламельем время; представляется мне еще одним доказательством его правдивости. Но давайте послушаем теперь его рассказ о том, каким образом и при каких обстоятельствах он обрел философский камень: «В конечном счете я нашел искомое, сразу же опознав его по сильному запаху. Получив его, я легко совершил магистирию; потерпеть неудачу я не смог бы, даже если бы захотел, ибо знал теперь, как изготавливаются первые агенты, так что мне оставалось лишь во всем следовать указаниям моей книги.

В первый раз сделал я проекцию на ртуть, обратив примерно полфунта ее в чистое серебро, превосходящее по качеству рудниковое, в чем я убедился, взяв собственную пробу и отдав его на испытание нескольким другим людям. Это произошло 17 января, в понедельник, около полудня, в моем доме, в присутствии одной лишь Перенеллы, в год 1382-й от искупления рода человеческого. Затем, по-прежнему следуя указаниям книги, совершил я проекцию с красным кам-

нем и примерно с таким же количеством ртути, и при сем вновь была только Перенелла, и случилось это в двадцать пятый день апреля того же года, около пяти часов вечера, когда произведена была мною доподлинная трансмутация в чистое золото, гораздо лучшее, чем обыкновенное, более мягкое и гибкое. Истинную правду говорю, трижды произвела такую операцию с помощью Перенеллы, которая понимает в этом не меньше меня, поскольку неустанно мне помогала, так что могла бы и одна сие предпринять, если бы захотела»,

Именно в этом, 1382-м году начинает ощутима расти материальное благополучие Фламелья. Всего за несколько месяцев он приобрел только в Паррэше около тридцати домов и земельных участков, построил несколько часовен и больниц. Кроме того, он возвел портал церкви святой Женевьевы и пожертвовал значительную сумму на учреждение сообщества Трехсот, которое вплоть до 1789 года устраивало ежегодный крестный ход к церкви Сен-Жак-ла-Бушери, чтобы вознести благодарственную молитву Никола Фламелью. В собственном его приходе, Сен-Жак-ла-Бушери, было обнаружено около сорока надлежащим образом оформленных актов дарения, из которых можно заключить, что скромный писарь раздарил целое состояние. Наконец, на его средства было благоустроено кладбище Невинных младенцев, чрезвычайно модное в то время место погребения, а также место прогулок, где влюбленные назначали друг другу свидания, поскольку никого не пугала громадная статуя смерти, возвы-

шавшаяся над могилами. Фламель распорядился нарисовать на четвертой арке кладбища Невинных младенцев те самые иероглифические фигуры, которыми была украшена книга Авраама Еврея. На многих из созданных Фламелем памятников было вырезано его изображение с чернильницей и пером в руках. Некоторые из этих изображений сохранились вплоть до XIX века.

Внезапное обогащение Фламеля, как ни старался он утаить его от соседей, не осталось незамеченным. Хотя он был всего лишь мелким ремесленником, не имевшим никакого влияния или знакомств в высшем обществе, слух о его богатствах достиг ушей короля Карла VI – верный признак того, что современникам они казались баснословными. Королевские чиновники сразу же поняли, что речь идет о случае необычайном, и Карл VI послал к Фламелью своего главного дознавателя, сира де Крамуази. Я процитирую сочинение «Сокровищница галльских и французских изысканий и древностей» («*Tresor de Recherches et Antiquites Gauloises et Francoises*») Пьера Бореля, королевского советника и придворного лекаря в 1655 году: «И вот слух о богатствах Фламеля достиг ушей короля, каковой послал к нему г-на де Крамуази, главного дознавателя своего, дабы выяснить, правда ли то, о чем ему рассказали; но тот нашел Фламеля в ниществе, даже посуда у него была глиняная. Однако легенда гласит, будто Фламель во всем признался ему, сочтя его человеком честным, и подарил целую колбу с порошком, которую

в этой семье, говорят, долго хранили, отчего и вынужден он был оберегать Фламелья от разысканий короля».

Подкупив (если называть вещи своими именами) сира де Крамуази, Фламель спокойно продолжал свои занятия. Но в образе жизни его никаких перемен не произошло: он жил, как подобает мел-кому ремесленнику, вместе со своей Перенеллой вплоть до ее смерти: она скончалась либо в 1397, либо в 1404 году и была похоронена на кладбище Невинных младенцев. Сам же писарь достиг возраста восьмидесяти лет. Предоставим здесь слово замечательному историку прошлого века Вале де Виривилью, который широко известен превосходными работами о Жанне д'Арк и публикацией «Хроники Девы» («*Chronique de la Pucelle*»). Вале де Виривиль также интересовался Фламельем, и вот что он говорит о нем: «Дом его «Большой Конек» лишился и своего конька, и многих скульптур, и античных украшений. Но он по-прежнему существует: это дом номер 51 по улице Монморанси, и все могут увидеть там старинную надпись: «Мы, мужчины и женщины, живущие трудом своим и пребывающие под кровом дома сего, построенного в году 1407 от Рождества Христова, почитаем за долг каждый день возносить молитву Господу, читая «Отче наш» и «Аве Мария», дабы милосердием Божиим не были оставлены несчастные умершие грешники. Аминь».

«Никола Фламель умер в 1418 году, – продолжает историк, – когда слава и состояние его продолжали расти. Место

для могилы он приобрел себе в самой церкви Сен-Жак-ла-Бушери. Мы знаем это по одной из многочисленных статей его изумительного завещания, согласно которому он завещал почти все свое имущество приходу Сен-Жак-ла-Бушери (детей у него не было). Помимо этого главного распоряжения в завещании перечисляется большое количество даров, что свидетельствует о его удивительной щедрости».

Многие авторы, отвергая любое предположение об алхимии, пытались доказать, что богатства Фламелья – не более чем легенда; к несчастью для них, нотариально заверенные акты о его многочисленных владениях служат неоспоримым доказательством этого колоссального состояния. Другие утверждали, будто превосходный мастер своего дела вполне мог приобрести дома и участки на доходы от торговли, – абсурдность этой версии очевидна для всех, кто знаком с жизнью мелких ремесленников в средние века. Наконец, некоторые объявили его ростовщиком или выдвинули обвинение в том, что он присвоил какое-то золото, принадлежавшее евреям. Луи Фигье превосходно ответил на подобные инсинуации: «Выдумки эти не подкрепляются никакими доказательствами. Более того: все, что история сообщает нам о характере и поступках Фламелья, позволяет полностью очистить его память от таких обвинений». Итак, перед нами человек, который, по собственному признанию, стал заниматься алхимией и нажил благодаря ей огромные богатства. Соответствует ли это усвоенному нами понятию об алхимии?

Ведь трансмутация металлов считалась лишь ступенькой к обретению бессмертия. Мы ответили бы на этот вопрос отрицательно, если бы история Фламеля этим и завершилась – я имею в виду его смерть. Но в том-то и дело, что история Фламеля имеет продолжение, как и в случае с графом Сен-Жерменом, а также некоторыми другими великими адептами.

Путешественник Поль Люка, живший в XVII веке, описывая свою поездку по Малой Азии, рассказывает, в частности, следующее: «В Бурну-Баши у меня была долгая беседа о герметической философии с одним узбекским *дервишем*, этот житель Леванта сказал мне, что истинные философы обладают секретом продления земного существования своего до тысячи лет и могут уберечься от любой болезни. Тут я завел речь о прославленном Фламеle, который, невзирая на философский камень, умер окончательно и бесповоротно. Услышав это имя, дервиш стал смеяться над моей простотой. Я уже почти поверил ему, а потому чрезвычайно изумился, видя, как он встретил мои слова, Заметив мое удивление, он спросил меня насмешливо: неужто я действительно так глуп, чтобы поверить в кончину Фламеля, «Нет, нет, – сказал он мне, – вы ошибаетесь. Фламель жив. Ни он сам, ни жена его еще не извели, что такое смерть. Трех лет не прошло, как я расстался с ними обоими в Вест-Индии, это один из моих лучших друзей». Позже дервиш сообщил Полю Люка новые подробности: «Слава часто вредит человеку, но мудрец

знает, как избежать неприятностей. Фламель хорошо понимал, что его в конечном счете – едва станет известно, что он добыл философский камень, – заточат в тюрьму. В самом скором времени его уличили бы в знании сей науки, ибо щедростью своей он привлек слишком большое внимание. Ему удалось скрыться от преследований, публично объявив о смерти своей и жены. По его совету она будто бы слегла от смертельной болезни, а когда возвещено было о ее кончине, находилась уже в Швейцарии, исполняя приказ мужа и ожидая его там. Вместо нее погребено было полено, причем похороны состоялись с соблюдением всех церемоний и в той часовне, которую она сама возвела. Затем Фламель использовал такую же хитрость и, поскольку за деньги можно получить все, без большого труда подкупил как лекарей, так и священников. Он оставил завещание с наказом похоронить его рядом с женой, на их могиле поставили надгробье в виде пирамиды, Сей истинный мудрец был уже на пути к супруге своей, когда второе полено упокоилось в часовне. С той поры оба стали вести сугубо философскую жизнь, переезжая из одной страны в другую. Вот подлинная история Никола Фламеля, так что не верьте глупым рассказам, которые ходят в Париже, где почти нет людей, познавших настоящую мудрость.»

Существует множество других свидетельств того, что Фламель не умер. Любопытно, что все они совпадают в одном: супружеская пара будто бы удалилась в Вест-Индию по-

сле, того, как философ приехал в Швейцарию к Перенелле, которая опередила его в «смерти», чтобы подготовить все необходимое для долгого путешествия.

Я не могу сказать ничего определенного по этому поводу. С точки же зрения простой трансмутации здесь впервые появляется возможность дать утвердительный ответ. В моем исследовании жизни Альберта Великого, Арнальдо де Виланова и Раймунда Луллия мне не удалось обнаружить ничего, что подтвердило бы их уверения, будто они создали золото. В отношении Фламелья ситуация совершенно иная: источником его колоссальных богатств не могло быть ничто, кроме искусства Гермеса,

Поэтому ответ мой будет таким: да, более чем вероятно, что Никола Фламель нашел философский камень.

Правда, это «более чем вероятно» меня не вполне устраивает: я хотел бы располагать полной уверенностью, чтобы признать себя вполне убежденным. Вот почему я приглашаю вас следовать за мной далее по цепи времен, которая приведет нас прежде всего к Василию Валентину, немецкому монаху-бенедиктинцу.

Монах из Эрфурта и Добряк из Тревизо

Прославленный бенедиктинец из монастыря в немецком городе Эрфурте является, несомненно, одним из самых известных алхимиков. В любом случае, он один из тех, чьи

трактаты чаще всего переводятся и переиздаются. Кроме того, имя Василия Валентина часто упоминается в научных работах и словарях в связи со сделанными им многочисленными открытиями в области химии.

В то же время это один из самых загадочных адептов в истории. Труды его при жизни не были изданы, и в то время, то есть к 1413 году, о них даже не было известно. Согласно одной из легенд, спустя несколько десятилетий после его смерти одна из колонн в Эрфуртском соборе внезапно раскололась, и в ней были обнаружены принадлежавшие перу знаменитого бенедиктинца алхимические трактаты, о которых сохранились только смутные устные предания. Естественно, писатели, привыкшие хулить алхимию, воспользовались этим фактом и объявили, что Василий Валентин не только не создавал приписываемых ему сочинений, но и вообще не существовал; остается лишь удивляться, отчего они не поставили под сомнение существование самих трактатов!

В предисловии к переизданию «Двенадцати ключей философии» (*«Douze Clefs de la Philosophie»*), одного из главных произведений Василия Валентина, Эжен Канселье пишет: «После столь многих исследователей, обладавших куда большими возможностями, чем я, и имевших доступ к документам, было бы наивно пытаться найти окончательное решение исторической загадки, которая была, есть и, несомненно, останется нераскрытой, как это бывает с адептами, не поддающимися идентификации с точки зрения национальной

принадлежности и социального статуса. Да, нам кажется, что не столь уж это и важно – точно указать, что автором «Двенадцати ключей философии» был тот или иной человек, избравший в силу неизбежного традиционного закона покров анонимности. Для нас представляет интерес сам труд, независимо от того, являлся он плодом индивидуальных или коллективных усилий. Более того: мы считаем в высшей степени ребяческими и смехотворными потуги людей – а таких всегда большинство – любым способом определить гражданское состояние и социальное положение философа, навсегда поднявшегося над мирской суетой».

Была даже попытка опровергнуть существование монастыря бенедиктинцев в Эрфурте; однако в одном из писем великого философа Лейбница³⁸ мы можем прочесть следующие слова, имеющие отношение как раз к Василию Валентину: «Мне известно, что Иоганн Филипп, курфюрст Майнцский, приказал разыскать его в подвластном ему городе Эрфурте, у бенедиктинцев; но сделать это так и не удалось». Эжен Канселье, со своей стороны, обратился к «Истории Эрфурта» («*Historia Erfurtensis*») (1675) Иоганна Гудена, графа Пфальцского, где этот профессор права, занимавший посты бургомистра города и ректора университета, писал: «Василий Валентин пребывал (в 1413 году) в монастыре святого Петра, был известен своими познаниями в искусстве меди-

³⁸ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий философ, физик, математик. – Прим. ред.

цины и естественных науках... Кроме того, он, следуя распространенной безумной идее, будто бы преисполнился иллюзорной надежды создать золото, за что винить его особенно нельзя, ибо на протяжении многих веков надежда сия не только увлекает любителей этой науки, но и лишает их остатков разума».

Отсюда со всей очевидностью следует, что некий монах-бенедиктинец, имя которого осталось неизвестным и который взял псевдоним Василия Валентина, действительно существовал. В XIV веке им были написаны трактаты, сохранившиеся до наших дней. Впрочем, несколько биографических деталей можно извлечь из сочинений самого адепта: в одном месте он, например, упоминает, что в юные годы совершил путешествие в Англию и в Бельгию. И напротив, никак нельзя считать реальным его «путешествие» в Сантьяго де Компостелло, о котором он говорит в своей «Триумфальной колеснице сурьмы» («*Char de triomphe de l'antimoine*»): «Когда я, совершив по данному мной обету трудное паломничество к мэтру Иакову из Компостелло, вернулся в свой монастырь (за что по сию пору благодарю Господа), показалось мне, что многие вместе со мною и по милосердию Божьему возрадуются при виде святых реликвий, которые привез я во благо и утешение монастыря нашего и всех бедных людей. Однако таких, кто исправил бы к лучшему жизнь свою и ощутил признательность за проявленное Господом великодушие, нашлось мало; напротив, все принялись изощ-

ряться в насмешках, богохульствах и злоречии; впрочем, справедливый судия на Страшном суде воздаст им всем, без сомнения, самым ужасным образом».

Согласно распространенной легенде, Василий Валентин не только открыл сурьму (что истинная правда), но и, убедившись в ее вредоносном воздействии, угостил ею своих собратьев бенедиктинцев, которые умерли от этого – отсюда будто название сурьмы – «антимонах»³⁹. Помимо очевидной абсурдности подобного поступка для адепта следует отметить, что все его трактаты были написаны по-немецки, и грубая игра слов, с помощью которой пытаются доказать подлинность обвинения, на этом языке лишена смысла.

С точки зрения алхимической философии великой заслугой Василия Валентина было четкое определение третьего элемента, а именно соли. Эжен Канселье цитирует по этому поводу отрывок из книги «Заря медицины» (*«L'aurore de la Me decine»*) личного врача принца Оранского, Иоганна Батиста ван Гельмонта, который писал в 1652 году: «Василий Валентин, монах-бенедиктинец, гораздо яснее прочих очертил душу металла, которую назвал серой, или тинктурой; вещества, то есть соли; и, наконец, духа, названного им ртутью. Принципы сии у Василия позаимствовал столетия спустя Теофраст Парацельс; он применил их самым изумительным образом в отношении всей совокупности веществ».

Чтобы завершить принесшее нам одни лишь разочарова-

³⁹ По-французски «сурьма» – *antimoine*

ния исследование тайной жизни этого неведомого адепта, приведем его знаменитую максиму: «Проникните должным образом в недра земные и вы найдете спрятанный камень, истинное снадобье». По латыни это пишется так:

VISITETIS INTERIORA TERRAE
RECTIFIANDO INVENIETIS OCCULTUM
LAPIDEM VERAM MEDICINAM

В этом изречении первые буквы слова, если их написать вместе, образуют V.I.T.R.I.O.L.U.M, то есть купорос – название, данное адептом тайной соли и растворителю, которые использовались в магистерии.

Бернардо из Тревизо

Бернардо, граф Тревизской марки, небольшого пограничного государства, входившего в состав владений Венеции и по сию пору именуемый Добряком из Тревизо, заслуживает особого упоминания в ряду прочих адептов: он заслужил это своим упорством. Бернардо приступил к своим трудам в возрасте четырнадцати лет, а философский камень нашел, вероятно, в восемьдесят два, после множества неудач, постигавших его на протяжении почти всей жизни. К нему вполне можно отнести максиму, которую произносит в начале романа «Таинственный остров» инженер Сайрус Смит (Жюль Верн приписал авторство этой сентенции Вильгельму Оранскому, но она явно принадлежала ему самому): «Действие не

нуждается в надежде, а настойчивость не нуждается в успехе».

Итак, граф Бернардо родился в 1406 году в Падуе. Ему не было четырнадцати, когда отец приобщил его к изучению старинных алхимических трактатов, в частности сочинений Гебера и Рази⁴⁰. В течение первых четырех лет он тщательно исследовал метод, разработанный Рази, но ничего не добился, потеряв за это время три тысячи экю. Утратив веру в этого философа, он обратился к Геберу и вновь принялся за работу. В тщетных трудах прошло еще два года; он лишился уже шести тысяч экю. Следует отметить, что «на помощь» к Добряку из Тревизо поспешили все обитавшие в Падуе «суфлеры» и лжеалхимики, что и повлекло такие затраты.

Тогда один монах из числа его друзей показал ему небольшие трактаты, написанные неведомыми «суфлерами», которых звали Архелай и Рубическа. Он стал работать с ними, но вновь не добился успеха. Еще один из помощников уверял, что начинать следует с очистки спирта, повторяя эту операцию бесчисленное множество раз. Бернардо так и поступил. Первые опыты отняли у него пятнадцать лет жизни и большую часть богатства, а он не приблизился даже на пядь к реализации Великого Деяния.

Какой-то местный чиновник сказал ему, что первичной

⁴⁰ Рази (в Европе принята латинизированная форма – Разес) Абу Бакр Мухаммед бен Закария (865–925 или 934) – персидский врач и философ.

материей для Первого Деяния должна быть морская соль; когда это предположение не подтвердилось, тот же чиновник предложил новый способ: разводить серебро и ртуть в холодной воде. Каждый из этих растворов следует выдержать отдельно в течение года, затем смешать их и подвергнуть выпариванию в горячей золе, Остаток, помещенный в реторту, выставляется под солнечные лучи, под воздействием которых происходит кристаллизация; полученные кристаллы и являют собой философский камень. Бернардо терпеливо ждал пять лет, но кристаллы не появились.

Он прибегал к другим способам, привлекал других «суффлеров», обращался к другим ложным трактатам – все было тщетно. Ему исполнилось уже сорок шесть лет, от его богатств фактически ничего не осталось. Следующие восемь лет он провел в обществе монаха Жоффруа де Леврье, у которого была своя метода, основанная на использовании куриных яиц. Яичную скорлупу подвергали кальцинации. Затем, отделив желтки от белков, помещали их в отдельные емкости попеременно с навозом и оставляли гнить. Полученную субстанцию промывали бесчисленное множество раз, пока в одном случае не появлялась белая вода, а в другом – красная. Эту операцию следовало повторять постоянно с целью создать первичную материю Деяния. Так Бернардо потерял еще восемь лет. Затем в компании одного теолога он пытался извлечь камень из железного купороса. Минерал был растворен в уксусе, подвергшемся восьмикратной очистке,

потом взвесь поместили в перегонный аппарат, где пятнадцать раз в день подвергали дистилляции; все это продолжалось в течение года. Камень Бернардо так и не добыл, зато в результате этой изнурительной работы подхватил лихорадку, от которой страдал целый год и едва не умер.

Не теряя надежды, граф отправился в Германию, ибо слышал, что тайной владеет исповедник императора. Тот хвалился, будто знает безошибочный способ получить первичную материю на основе ртути, серебра, серы и оливкового масла. Все эти ингредиенты следовало развести в водяной бане, постоянно встряхивая сосуд, затем сушить в стакане и наконец в колбе, поставленной на месяц в горячую золу. К полученной субстанции добавляли свинец и расплавляли эту смесь в реторте. По словам мэтра Генриха, исповедника императора, помещенное в раствор серебро – те десять марок⁴¹, что дал ему Бернардо, должно было значительно увеличиться в объеме. На деле же в сосуде осталось всего четыре марки!

Тут граф Бернардо несколько упал духом. Ничего удивительного – странно, что это не произошло раньше! К большому удовольствию семьи он на два месяца прекратил занятия алхимией; но вскоре злосчастная страсть к поискам философского камня, владевшая им с самого нежного возраста, вспыхнула вновь, и он пустился в странствия по Ев-

⁴¹ Старинная мера веса, равная 8 унциям (244.75 г). Применялась при взвешивании драгоценных металлов – *Прим. пер*

ропе, чтобы отыскать какого-нибудь истинного адепта, который просветил бы его. Посетив Англию, Шотландию, Голландию, Германию, Францию и Испанию, он отправился на Восток, где провел несколько лет, объездив вдоль и поперек Персию, Палестину и Египет. По возвращении он надолго задержался в Греции, занимаясь изучением герметического искусства в монастырях. Все усилия его оказались тщетными, и в возрасте шестидесяти двух лет он оказался на Родосе, совсем без денег, ибо растратил все свои средства в безумной погоне за камнем, и без друзей, но с прежней уверенностью, что раскроет чудесную тайну.

Вскоре он узнал, что на Родосе обитает некий священник, который, по общему мнению, сумел получить камень.

Правда, к такому человеку нельзя было явиться с пустыми руками; но тут графу Бернардо повезло: он встретил богатого торговца, друга своей семьи, и одолжил у него 8 тысяч флоринов. С этой суммой он и представился ученому священнослужителю, который познакомил его со своим методом; совместная их работа продолжалась около трех лет. Метод, состоявший в использовании золота, серебра и ртути, не дал результата, и Бернардо вернулся в свое графство полностью разоренным. Родные, считавшие его сумасшедшим, от него отвернулись и отказались даже принимать. Наконец, в возрасте восьмидесяти лет, он решил все начать с самого начала и перечитать Гебера, которого, очевидно, в свое время плохо понял. В последний раз отправился он на Родос,

откуда не уезжал уже до самой смерти, последовавшей в 1490 году. Согласно алхимической традиции, именно там Добряк из Тревизо открыл философский камень. Бернардо было тогда восемьдесят два года, и он владел чудесным секретом в течение трех последних лет жизни. Кроме того, он открыл для себя секрет безмятежной жизни, о чем сообщает в своих сочинениях: по его мнению, человек должен довольствоваться тем, что у него есть.

Самыми известными из написанных им алхимических трудов являются следующие: «Трактат по естественной философии металлов» («*Traite de la philosophie naturelle des metaux*») и «Забытое слово» («*La Parole delaisie*»). Последнее сочинение вполне доступно, так как Клоду д'Иже пришла в голову превосходная мысль включить его в свою книгу «Новая ассамблея философов химии». В первом же из названных трактатов – «Естественной философии металлов» – содержится рассказ, известный под названием «Аллегория Источника» («*Allegorie de la Fontaine*»), в котором Бернардо из Тревизо в символической форме описывает операции, имеющие отношение к одной из трех частей магистерии. Этот текст стоит того, чтобы его воспроизвести:

«Погруженный в задумчивость, я прогуливался по полям. Наступил вечер; я оказался в незнакомом месте, где не бывал прежде. Я наткнулся на маленький родник, чистый и светлый, обложенный красивыми камнями, и над ним стоял дуб с дуплом, а кругом возвышались стены, дабы коровы или про-

чие животные не осквернили его. Тут меня стало клонить в сон, и, у источника, увидел я, что закрыт он со всех сторон и подступиться к нему нельзя.

Тут прошел мимо старый, дряхлый священник; я спросил у него, отчего закрыт сей источник и сверху, и снизу, и со всех сторон. Он отнесся ко мне доброжелательно и был со мною весьма любезен, и обратился ко мне со следующими словами: «Сударь, сей родник поистине обладает ужасной силою, ничто в мире с ней не сравнится. Пользоваться же ею может лишь царь здешних мест, коему сие хорошо известно, ибо не бывало случая, чтобы прошел он мимо источника, – настолько влечет его эта сила. И обретает он ее в источнике, купаясь в нем двести восемьдесят два дня, и возвращает она ему молодость, и победить царя никому не дано».

Тогда я спросил священника, видел ли он царя, и получил ответ, что на его глазах вошел царь в источник; но, когда входит он и стража его закрывает, нельзя его видеть в течение ста тридцати дней; лишь потом он показывается, блистая молодостью своей. Охраняющий его стражник постоянно греет воду, дабы сохранил он свое природное тепло.

Тогда я спросил, какие цвета у царя? Ответил мне священник, что *сверху на нем мантия из золотого сукна*, под ней камзол из черного бархата, сорочка – белая как снег, а плоть – красная, словно кровь.

Потом я спросил: когда царь приходит к источнику, со-

провожают ли его толпою чужестранцы и люди простого звания? Он мне ответил с приятной улыбкою: «Царь приходит один, не берет с собой ни чужестранцев, ни простых людей; никто не приближается к источнику, кроме царя и стражника, человека обыкновенного. Когда же входит царь в источник, то сначала скидывает с себя мантию из тонкого золотого сукна, сшитую в несколько тончайших слоев, и отдает ее первому слуге, которого зовут Сатурн. Сатурн берет ее и хранит в течение сорока или сорока двух дней, и иногда, если надо, и дольше. Потом король снимает камзол из черного бархата и отдает его второму слуге, которого зовут Юпитер, и тот хранит его целых двадцать дней, а после этого, повинувшись царскому приказу, отдает его Луне, третьей из служителей, прекрасной и блистающей, дабы та хранила его еще двадцать дней. Царь же остается в своей белой как снег сорочке, изукрашенной пестрыми разводами соли. Снимает он с себя эту белую тонкую сорочку и отдает Марсу, который хранит ее в течение сорока, а иногда сорока двух дней. После этого Марс по воле Божьей вручает «ее желтому, но не яркому Солнцу, которое хранит ее сорок дней, и тогда появляется прекраснейшее, ярчайшее Солнце, которое берет ее и хранит...

Тут я спросил: «Неужто не приходит к этому источнику доктор или кто-либо из других людей?».

– Нет, – сказал он, – никто не приходит, кроме стражника, который помимо прочего поддерживает постоянное тепло,

так что все вокруг окутано дымом.

– У стражника этого много забот?

– Поначалу немного, но к концу их становится больше, ибо источник воспламеняется. Я спросил: «Многие ли видели это?».

– У всех это перед глазами, только постичь это они не в силах.

Я спросил: «Что делают стражи потом?».

– Если хотят, могут очистить они царя в источнике, помещивая и сохраняя место сохраняемым в сохранном хранилище, вернув ему в первый день камзол его, на следующий день сорочку, на третий день кровавую плоть.

Я спросил: «Что все это значит?». Он ответил: «Господь говорит один раз, десять, сто, тысячу и сто тысяч, а затем умножает на одиннадцать».

Я сказал: «Ничего не могу понять». Он ответил: «Больше не скажу ни слова. потому что я устал». И я увидел, что он устал, и сам я устал, и сильно клонило меня в сон, ибо прошедший день провел я в трудах».

Если бы читатели мои прочли этот текст прежде, чем ознакомились с предыдущими страницами, они сочли бы его лишенным всякого смысла. Между тем для философа здесь все совершенно ясно, а для учеников, к числу которых я отношу и себя, имеются некоторые подсказки, позволяющие уловить суть. С первого взгляда понятно, что речь идет об аллегорическом описании одной из частей магистерии и свя-

занных с ней операций. Несомненно, это последняя часть – та самая, когда материя, приведенная в состояние *ребиса*, подвергается вывариванию в философском яйце. Вода источника символизирует философскую ртуть и воду мудрецов, или *молоко Богородицы*, которые служат для вымачивания материи по ходу Третьего Деяния. Стены, окружающие источник, означают категорический запрет разглашать тайны алхимии. Различные одеяния царя – иными словами, *ребиса* – соответствуют семи стадиям вываривания, которые более известны под названием «фазы Филалета». И когда Добряк из Тревизо говорит, что царь отдает мантию золотого сукна первому стражу, которого зовут Сатурны, это не означает, будто свинец играет здесь какую-то значительную роль – просто в фазе Сатурна *ребис* теряет свой изначальный цвет и приобретает окраску Черного Деяния. Продолжительность каждой фазы указывается очень четко: к примеру, Бернардо говорит, что фаза Юпитера длится двадцать дней.

Заключительный диалог чрезвычайно важен и показательен именно здесь уточняется, что к Деянию нельзя допускать чуждую материю и заправляет всем страж, поддерживающий постоянное тепло, иными словами тайный огонь. Затем указывается на обычную природу этой субстанции. Наконец, в предпоследней реплике содержится намек на мультипликацию (умножение), то есть на присущее философскому камню свойство увеличивать при новом вываривании силу свою до бесконечности. В сущности, магистерия совершается це-

ликом, но на сей раз вместо изначальной материи используется созданный камень, который вновь проходит весь цикл алхимических операций. На этом я пока остановлюсь, поскольку в последней части книги мы получим возможность детально изучить фазы Филалета: ведь «Аллегория Источника» – всего лишь краткое их резюме.

Теперь нам ясно, почему ученые люди, изучавшие алхимию только по трактатам и не имевшие понятия о практической стороне дела, считали подобные тексты бредом. Но для человека, способного интерпретировать эту аллегорию, рассказ Бернардо из Тревизо представляет подлинный *modus operandi*, а для «поклонников науки» или читателей, жаждущих познать тайны алхимии, это настоящая нить Ариадны, с помощью которой закладывается основа для будущих изысканий.

Бернардо из Тревизо приводит, кстати, еще одну аллегорию (быть может, созданную им самим) под названием «Сон-Зелень» («*Songe-Verd*»), где в той же образной манере описывается другая часть магистерии. Я не буду воспроизводить ее целиком, поскольку она очень длинная, а процитирую только короткие отрывки, позволяющие лучше понять символический характер некоторых алхимических сочинений.

Итак, Добряк из Тревизо крепко спал и во сне ему явилась статуя с золотыми губами, Объявив себя гением мудрецов, она пригласила его следовать за собой; вместе они прошли через фантастические сады, и алхимик с большим удо-

вольствием описывал увиденных там необыкновенных животных. Внезапно Бернардо почувствовал, что ослеп; тогда ему натерли глаза магической травой, и зрение вернулось – это прозрачная аллегория адепта, обретающего подлинное понимание вещей. Тут перед ним возник изумительный дворец, который он описывает следующим образом: «В первых покоях был зал, обитый шелковой тканью с золотыми нитями и такой же бахромой. Цвет обивки переливался от красного к зеленому и серебристому, а сама она была словно окутана белой газовой дымкой; далее находились кабинеты, украшенные драгоценными камнями разных цветов; далее открывалась взору комната с драпировками из великолепного черного бархата с полосами из столь же черного и сверкающего атласа, с украшениями из гагата, блистающего ослепительной чернотой своей». Я пропущу вторые покои, чтобы перейти к третьим: «В третьих покоях была комната, обитая чрезвычайно яркой тканью пурпурного цвета с золотыми отливами, и ткань эта была столь прекрасной, столь роскошной, что не могли бы сравниться с ней никакие другие ткани, виденные мною прежде».

Затем алхимик говорит о строгих брачных законах этого странного края – само собой разумеется, речь идет о соединении серы и ртути философов. «Агасестор сочетает юную свежую деву со здоровым сильным старцем; оmyвает и очищает деву, полощет и чистит старца, который подает деве руку, а дева берет руку старца; потом их отводят в один из до-

мов, и затворяют дверь с помощью тех же материалов, из которых сделан был дом; должны они оставаться взаперти полных девять месяцев; за это время изготавливают они все те прекрасные вещи, которые были мне показаны. По истечении срока выходят они, соединившись в едином теле и обладая отныне единой душой: из двоих существ сделалось одно, обладающее великой силой на земле. Агасестор использует силу эту, дабы обращать ко благу всех злодеев, которые обитают в его семи царствах».

Легко понять, что это еще одна аллегория камня. Отметим попутно, что здесь упоминается герметическая закупорка, и вновь указывается, что ни одно чуждое Деянию тело не должно участвовать в соединении. Что касается последней фразы, то речь идет о трансмутации семи металлов, а не о перевоспитании злодеев.

Конечно, эти тексты не могут считаться доказательством того, что Добряк из Тревизо познал секрет философского камня: они лишь показывают, что он в совершенстве изучал магистерию с теоретической точки зрения. Но я надеюсь, и мне хочется верить, что шестидесятилетние труды его были вознаграждены по заслугам и он действительно открыл герметическую тайну.

И хотя я не могу причислить Бернардо из Тревизо к позитивным пунктам моего расследования о реальности трансмутации, следует все же подчеркнуть, что этот упорный искатель истины заслуживает нашего особого уважения.

Врач и дворянин

Аббат Лангле дю Френуа, автор «Истории герметической философии» («*Historie de la Philosophie hermetique*»), так начинает статью о Парацельсе:

«Этот знаменитый человек родился в 1493 году в Айнзидельне, близ Цюриха (Швейцария), и звали его Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм Парацельс. Можно только приветствовать, что обычно его звали просто Парацельсом. У кого хватило бы духу произнести разом всю эту длинную череду имен? Ни у одного человека в мире не было столько врагов и хулителей; ни у одного человека в мире не было столько приверженцев и восторженных поклонников».

Отец юного Парацельса был врачом и занимался оккультизмом. Он очень рано приобщил сына к изучению растений и трав, которыми изобилуют швейцарские горы, а также познакомил его с философией Аристотеля. Несколько позже доктор перебрался в Каринтию, в город Виллах, где стал преподавать химию. Именно здесь молодой человек впервые увидел рудники, где добывались металлы. Он завершил свое образование в Базеле, хотя царившая там схоластика была ему чрезвычайно не по душе. Поэтому он вскоре начал слушать лекции аббата Тритемия⁴², который считался знатоком

⁴² Тритемий – псевдоним алхимика Иоганна Гейденберга (1462–1516). – Прим. ред.

каббалы. как и уже знакомый нам монах Роджер Бэкон. Кроме того, Тритемий занимался гипнозом и телепатией, а эти науки считаются загадочными и в наши дни.

Затем Парацельс отправился в странствие по европейским университетам. Падуя, Монпелье, Болонья – возможно, он добрался даже до Нидерландов и Англии. Согласно легенде, он побывал также на Востоке и в Турции, но нет ничего, что подтверждало бы подобное предположение. Завершив путешествие, которое, возможно, являлось инициацией, молодой врач вернулся в Швейцарию. Предоставим вновь слово аббату Лангле дю Френуа:

«После своих путешествий Парацельс стал вести медицинскую практику в Цюрихе, и слава его росла так быстро, что он был приглашен в Базель, откуда ему пришлось уехать из-за одного неприятного инцидента. Каноник местного собора находился при смерти, все врачи от него отказались; Парацельс пришел к нему и пообещал исцелить его. Больной, как это обычно бывает на пороге смерти, готов был отдать своему спасителю все что угодно, и они сговорились о цене. Парацельс излечил каноника при помощи всего лишь двух пилюль, и тот, едва обретя здоровье, стал оспаривать гонорар; спор завершился судебным разбирательством между врачом и выздоравливающим, поскольку последний считал, что его излечили слишком быстро. Городской магистрат, узнав, что врач не счел нужным помучить своего больного и неосторожно исцелил его почти в одно мгновение, постано-

вил выплатить ему очень скромное вознаграждение. Парацельс выразил публичное неудовольствие этим приговором, ибо не понял двух важнейших вещей, а именно: ставить на ноги больных следует постепенно, потому что им не нравится внезапное исцеление; судьи же часто бывают несправедливы, но не терпят, когда решения их оспариваются».

Итак, Парацельсу пришлось стремительно покинуть город, чтобы не навлечь на себя гонений со стороны членов магистрата, разъяренных его неосторожными речами. Он уехал в Страсбург, а оттуда перебрался в Зальцбург. Здесь 24 сентября 1541 года, в возрасте сорока восьми лет, он безвременно скончался.

Подлинные причины его смерти неизвестны. Пылкие сторонники его заявляют, что он был отравлен, хулители же утверждают, будто к столь раннему концу привели развратная жизнь и пьянство.

Не подлежит сомнению, что помимо медицины, магии и оккультизма Парацельс занимался алхимией, но маловероятно, что он достиг ступени адепта. Необычные и зачастую весьма противоречивые черты этой яркой личности объясняют разногласия во мнениях, царившую среди его современников, равно как и тот факт, что в настоящее время на него ссылаются как сторонники, так и противники алхимии. С точки зрения медицины его заслуги неоспоримы. Рене Маркар говорит по этому поводу следующее: «Парацельс сделал очень много для утверждения в медицине и в других

науках опыта, основанного на реальной жизни. Он заявил во всеуслышание, что «больной должен быть единственной книгой врача», и ввел методику точных расчетов в фармацевтике, тогда как прежде аптекари «слишком часто готовили лекарства, не имея никакого понятия о науке».

Действительно, Парацельс был изобретателем спагирии, о которой мы уже говорили, и его не следует рассматривать как чистого алхимика. Несомненно, он приступил к реализации философского камня, но впоследствии отказался от герметической цели ради практического применения в медицине некоторых приемов алхимического деяния.

Можно ли считать его только основателем современной медицины? С полной уверенностью об этом сказать нельзя. В связи с его путешествиями я упомянул слово «инициация». Именно к такому выводу пришел мой друг Серж Ютен в своем исследовании о Парацельсе: «Разумеется, Парацельс был посвящен в тайны розенкрейцеров и, весьма вероятно, принадлежал к числу миссионеров самого высокого ранга, которые призваны нести божественный свет людям (большой частью, увы, не способных его воспринять) и ради этого терпят – о, печальный, превышающий человеческие возможности удел! – гонения, притеснения, черную зависть, ненависть, нищету. Все это в полной мере довелось испытать Парацельсу – включая, возможно, и мученическую смерть (вспомним о загадочной смерти великого врача, оставшегося, судя по всему, в полном одиночестве)».

Итак, мы можем заключить, что Теофраст Парацельс был, вероятно, посвященным Розы и Креста. вне всяких сомнений – гениальным врачом, наверняка – пьяницей и фантазером, а кроме того, хвастуном и немного шарлатаном, когда говорил об оккультизме. Одновременно он был выдающимся химиком, ибо первым пришел к выводу о существовании цинка как особого металла, доказал токсичность мышьяка и обнаружил терапевтическую эффективность красной окиси ртути при лечении сифилиса. Однако с точки зрения алхимии Парацельс, хоть и не был суфлером, *адептом, по всей очевидности, так никогда и не стал.*

Дени Зашер

Как в случае с Василием Валентином, а позднее с Филалетом и Фюльканелли, мы не знаем подлинного имени адепта, ставшего известным под псевдонимом Дени Зашер. Нам известно только, что он родился в 1510 году в Гиени и принадлежал к знатному семейству. Получив основы образования в родительском замке, он отправился в Бордо с целью изучать философию в Коллеже искусств. Там он получил в наставники человека, который сам как раз постигал азы герметической науки. И юный Дени сразу приобщился к алхимическим исследованиям. Вместо того чтобы заниматься предметами, входившими в программу, он в течение целого учебного года, проведенного в Бордо, пытался найти рецеп-

ты трансмутации. Покидая университетский город, он увез с собой огромную тетрадь, в которой излагались рецепты, принадлежащие разным знаменитостям. Так, в его распоряжении оказались и «Деяние королевы Наваррской», и «Деяние кардинала Турнонского» и «Деяние кардинала Лотарингского» – сами названия эти были как бы гарантией надежности описанных процедур.

Затем молодой Дени, сопровождаемый своим бордосским наставником, направился в Тулузу, на сей раз – для изучения права⁴³. На самом деле как юноша, так и его наставник желали одного – осуществить на практике рецепты, привезенные из Бордо. Поэтому сразу же по приезде они закупили печи, стеклянную посуду, реторты, колбы и все прочее, что было необходимо для дистилляции, кальцинации и прочих алхимических операций. Разумеется, все собранные ими рецепты оказались обманом, и выделенные семьей двести экю, на которые Зашер должен был жить с наставником в течение учебного года в Тулузе, быстро вылетели в трубу вместе с дымом, поднимающимся над тиглями.

У историков можно найти превосходное описание странствий будущего адепта; но наиболее интересным мне представляется рассказ самого Дени Зашера, который включил свою автобиографию в трактат под названием «Краткое со-

⁴³ Это наводит меня на мысль, что Зашер был уроженцем Ажана, поскольку именно студенты этого города имели обыкновение учиться на факультетах Бордо и Тулузы попеременно.

чинение о природной философии металлов» («*Opuscule de la philosophie naturell e des metaux*»).

«Еще до конца года мои двести экю растаяли, как дым, а учитель мой скончался от лихорадки, каковую подхватил он летом из-за того, что раздувал мехи и постояннопил воду, из комнаты же своей почти не выходил, и было там жарче, чем в венецианской оружейной мастерской. Смерть его огорчила меня тем сильнее, что родители мои соглашались высылать мне деньги только на содержание, тогда как для продолжения работы моей мне нужно было гораздо больше.

Чтобы преодолеть эти трудности, я вернулся в 1935 году домой, с целью выйти из-под опеки, и заложил все имущество мое на три года за четыреста экю. Средства были необходимы мне для осуществления операции, о которой рассказал мне в Тулузе один итальянец, утверждавший, будто видел этот опыт собственными глазами. Я оставил его при себе, чтобы довести дело до конца; итак, я произвел кальцинацию золота и серебра с помощью кислоты, но без результата, ибо из взятого мною золота и серебра извлек я только половину, а из четырехсот экю вскоре осталось у меня двести тридцать. Двадцать я вручил моему итальянцу, дабы тот отправился за разъяснениями к автору рецепта, автор же, по его словам, жил в Милане. Итак, на зиму я остался в Тулузе, дожидаясь его возвращения, но мог бы ждать и по сию пору, ибо больше я его никогда не видел.

Наступило лето, а с ним чума, заставив меня покинуть го-

род; однако о работе своей я не забывал. Я оказался в Кагоре, где задержался на полгода, и там познакомился с одним стариком, коего все звали философом: в провинции часто так называют людей чуть менее невежественных, нежели все прочие; я показал ему сборник моих рецептов и спросил, что он о них думает. Он отметил десять или двенадцать, каковые показались ему лучше других, Чума прекратилась, я вернулся в Тулузу и возобновил работу с таким рвением, что из четырехсот экю осталось у меня лишь сто семьдесят.

Дабы с большей уверенностью продолжать свои опыты, познакомился я в 1537 году с одним аббатом, проживавшим недалеко от города. Обуреваемый той же страстью, что и я, он рассказал мне, что один из его друзей, пребывавший в свите кардинала д'Арманьяка, сообщил ему из Рима способ, каковой он полагает вполне надежным, но затратить на это нужно двести экю. Я дал половину, он добавил остальное, и мы стали работать вместе. Поскольку нам необходим был винный спирт, я купил бутылку превосходного вина из Гайяка, извлек из него спирт и подверг его многократной очистке; взяв его на четыре марки, опустили мы туда марку золота, которую подогревали в течение месяца; затем все было искусно перелито в реторту, накрытую другой ретортой, и выставлено на холод, дабы произвести замораживание. Работа длилась целый год, и, чтобы не оставаться в праздности, мы занимались другими, не столь важными опытами, из которых извлекли столько же пользы, как и из нашего Великого

Деяния.

Так прошел весь 1537 год, не внося в, нашу работу никаких изменений, и мы, вероятно, провели бы всю жизнь в ожидании, пока наш винный спирт замерзнет, потому что золото в воде не растворяется, так что вынули мы порошок таким, каким он был прежде – с той лишь разницей, что стал он чуть легче. Мы совершили проекцию с разогретой ртутью, но все было тщетно. Можете судить сами, как мы были раздосадованы, в особенности господин аббат, который уже объявил своим монахам, что им следует расплавить прекрасный свинцовый фонтан в центре монастырского дворика, а мы по завершении нашего опыта превратим его в золото. Неудача нас не обескуражила. Я вновь заложил имущество и получил четыреста экю; аббат сделал то же самое, и я отправился в Париж, ибо нет в мире другого города, где находилось бы столько знатоков этого искусства. С восьмьюстами экю в кармане я твердо решил оставаться там, пока не потрачу все свои деньги или не добыю чего-либо путного. Поездка привела в негодование моих родных и вызвала упреки друзей, которые хотели бы, чтобы я купил место советника, ибо воображали, будто я отменно разбираюсь в законах. Я заверил их, что еду в Париж именно с таким намерением.

Проведя в пути две недели, 9 января 1539 года я прибыл в Париж. Почти месяц я оставался почти никому не ведом: но стоило мне начать заводить знакомства с любителями или

даже с изготовителями печей, как обнаружилось более сотни практикующих артистов, каждый из которых применял собственный метод: одни – цементацию, другие – растворы, третьи – порошок. Четвертые пытались извлечь ртуть из металла, чтобы затем связать ее. Каждый Божий день мы собирались на квартире у кого-нибудь из нас, а по воскресеньям и в праздники – в соборе Парижской Богоматери, самой посещаемой из всех церквей города. Мы сообщали друг другу о своих успехах, и одни говорили: если бы удалось начать все с начала, мы бы сделали большое дело; другие: если бы не лопнула колба, удача была бы несомненной; третьи: если бы раздобыть круглый сосуд из меди и хорошенько его закупорить, я бы непременно соединил ртуть с серебром. Не было ни одного, кто не дал бы убедительных объяснений постигшей его неудаче, но я был глух ко всем подобным речам, ибо успел убедиться на собственном опыте, сколь обманчивы все эти радужные надежды.

Появился один грек; с ним я работал – тоже безрезультатно – с гвоздями, изготовленными с добавлением киновари. Затем я познакомился с иностранным дворянином, который приехал в Париж недавно; он часто заходил в ювелирные лавки, продать плоды опытов своих, и я сопровождал его. Долго я приставал к нему, упрашивая открыть тайну; наконец он согласился, но способ его оказался лишь более искусной фальшивкой, чем все прочие. Обо всем этом известил я тулузского аббата и даже послал ему копию рецепта сего

дворянина, и аббат, думая, что я наконец узнал нечто полезное, наказал мне провести еще год в Париже, дабы не испортить столь хорошее начало. Однако, невзирая на все усилия, за три года продвинулся я вперед не больше, чем за все предшествующее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.